

АПОКАЛИПТИКА

A man with long, wavy hair, wearing a black leather motorcycle jacket over a white suit jacket and dark trousers, stands in a dark, post-apocalyptic environment. He is holding two handguns, one in each hand. The background features a large, arched opening leading to a cityscape with a large, dark, ominous structure. The scene is lit with a blue, ethereal glow, and there are flames and smoke in the background.

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ

ХЭДХАНТЕР

Книга вторая.
СОБИРАТЕЛИ ГОЛОВ

Руслан Мельников
Собиратели голов
Серия «Хэдхантер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6002167
Хэдхантер. Собиратели голов: Эксмо; М.; 2013
ISBN 978-5-699-46380-0

Аннотация

Время легкой охоты на рабов закончилось. Объединившиеся дикие кланы дают отпор хэдхантерским отрядам. Более того, дикари начинают свою охоту, самой желанной добычей в которой становится голова заклятого врага. Голова охотника за головами. В Союзе Кланов этот страшный трофей – не только признак личной доблести, но и универсальная валюта, которую можно обменять на еду, оружие или женщину. Разумеется, желающих раздобыть такую «валюту» становится все больше. Примкнувший к «диким» экс-хэдхантер Борис Берестов вынужден охотиться на своих бывших товарищей. Книга публикуется в новой авторской редакции.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	71
Глава 7	82
Глава 8	95
Глава 9	107
Глава 10	116
Глава 11	126
Глава 12	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Руслан Мельников

Собиратели голов

(Новая авторская редакция)

Пролог

Рев, грохот... Сильный толчок. Последний? Ну, хоть бы на этот раз последний!

Нет. Еще один. И еще. И снова, и опять...

Глухой удар снаружи сотрясает весь контейнер. Скрежет... Кажется, уж теперь-то закрытый пластиковый пенал обязательно переломится надвое.

Контейнер не ломается. Плывет дальше. Не плывет – несется по широким трубам-тоннелям подземного лабиринта.

В помятой крышке появляется новая трещинка. И новая течь. Слабая пока, едва заметная, но с каждой просачивающейся внутрь капель в контейнер втекает смерть.

Опять водоворот...

Бориса бросает на чернявую девчонку. На дикую... Бывшую дикую. На треску... Теперь, впрочем, тоже бывшую.

Чернявая без сознания. Простреленное и перетянутое автоматным ремнем плечо. Голова с мокрыми налипшими

на лицо волосами мотается туда-сюда, словно перекатывающийся шар, стучит о пластиковые стенки и дно контейнера. Затылком, лбом... Звякает массивный гладиаторский ошейник.

Борис тоже нет-нет, да и прикладывается к пластику то черепушкой, то ошейником.

Но в реве Волны, этих звуков почти не слышно.

Борис тоже находится на грани отключки.

Рассчитанный на одного покойника гроб-контейнер, в котором ищут спасение два живых человека, резко крутануло. Перевернуло в очередной раз. И в очередной раз поплавочная конструкция вытолкнула контейнер крышкой вверх.

Вода из трещин в крышке уже не сочится – капает. Хорошо хоть нижняя, более массивная и прочная, часть пластикового контейнера пока выдерживает давление Волны, удары о стенки Коллектора и трение вымываемого наружу мусора, превратившегося в подобие мельничных жерновов.

Вода прибывает. В дикой тряске и круговерти она расплескивается по всему и без того невеликому пространству тесного контейнера. И ничего не стоит захлебнуться. Только чудом они до сих пор не утонули в своем плавучем гробу. Хотя, чернявая, может быть... уже...

Весь мир сжался до размеров похоронной тары, несущейся в грохочущей тьме. Вестибулярный аппарат – как стрелка компаса на магнитном полюсе. Кажется, навсегда утрачено представление о месте в пространстве, о верхе и низе.

И кажется, эта изошренная пытка будет продолжаться вечно.

Но пытка закончилась. В этом мире рано или поздно заканчивается все.

Бурный поток вышвырнул их из городской клоаки, как сжатый воздух выплевывает шприц-ампулу из подствольного пневматического ампуломета.

Борис этого, конечно, не видел. Не мог видеть. И поначалу даже не слышал. Не понял даже.

Он не почувствовал того момента, когда широкое жерло Коллектора осталось позади.

Понимание пришло позже. Много позже.

Их все еще несло и кружило. Но било о стенки уже не так часто, вертело не так быстро и терло о мусорную массу не так сильно. Течение увлекало плавучий гроб дальше, дальше... Однако это уже не было прежней безумной пляской щепки в грохочущем водопаде.

Волна, промывавшая Коллектор, выпихнула мусор за пределы городской черты, рассеялась и схлынула. Вне Коллектора, на открытом пространстве мощный водяной напор быстро слабел. Хаос бурлящих водоворотов сменился сильной качкой, а качка – едва ощутимым умиротворяющим покачиванием.

Грохота и рева снаружи больше не было. Теперь слышалось лишь слабое постукивание в борта и тихое шуршание о пластик.

Удивительно, но УПК – универсальный плавучий контейнер – выдержал бешеную водяную круговерть. А еще удивительнее был тот факт, что укрывшиеся в нем люди пережили смертельную болтанку.

Они уцелели. Оба. Потерявшая сознание чернявая еще дышала. Хрипло, часто, но дышала.

Борис рискнул приоткрыть крышку контейнера. Он сдвинул ее примерно на треть – так, чтобы не потерять. Но чтобы была возможность сесть и осмотреться.

Течение несло их между бетонированных берегов широкого речного русла. Впрочем, не только их несло.

Пластиковый гроб-контейнер проплывал между «айсбергов» слипшегося хлама и, подобно ледоколу, вспарывал мусорную корку, под которой не было видно воды.

Коллектора за спиной тоже уже видно не было. Да что там Коллектор – даже высотки городских окраин едва-едва просматривались на горизонте. Сложная система плотин, водозаборов, насосов и прочей автоматизированной подземной гидравлики, регулируемая компьютерным центром, в очередной раз выполнила свою работу. Волна – искусственно созданный, многократно усиленный и прокачанный по городскому Коллектору водяной напор – вымыла и выбросила из Ставродара все лишнее. Далеко выбросила.

Потом все шло своим чередом, без участия человека и машин. Течение подхватило, течение понесло...

Вся поверхность реки была усеяна зловонной массой –

перемолотой, перемешанной и извергнутой Ставродарским Коллектором.

Отбросы, бумага, рваный пластик, контейнеры – большие и маленькие, целые и изломанные. Что-то еще – непонятного происхождения и предназначения, размокшее, разбухшее, размякшее. И снова – отбросы. Отбросы, отбросы... Нечистоты... Содержимое десятков, а может быть, сотен подземных накопителей. Тонны отходов жизнедеятельности огромного города. Суточная норма испражнений мегаполиса.

Все это сейчас покачивалось на слабой волне, отчего казалось, будто по речному руслу ползет огромный мусорный червь без конца и края. Течение гнало плавучую свалку прочь от города. Вонь стояла невыносимая.

Но бетонированное русло расширялось все больше. В теле мусорного червя появились рваные раны – первые водяные просветы в месиве запрудивших реку отходов. Вода была мутной, грязной, покрытой маслянистой пленкой и, действительно, походила на сочащуюся из раны темную кровь пополам с гноем.

Потом сплошной мусорный поток начал раскалываться и распадаться на куски.

Это было похоже на весенний ледоход. Только воняло ЭТО ужасно. Жутко воняло.

Часть первая

Глава 1

Гроб был затоплен почти наполовину. А чернявая все не приходила в сознание. Чтобы девушка не захлебнулась, Борису приходилось придерживать ей голову одной рукой. Другой он пытался вычерпать грязную воду.

Получалось не ахти, конечно. Но кое-как все же получалось.

Когда пространство впереди более-менее расчистилось от мусора, а голые, залитые бетоном крутые склоны, наконец, сменились пологими берегами, заросшими высокой сочной травой и густым кустарником, Борис начал выгребать со стремнины. До чего же мерзко было снова и снова опускать руку в вонючую воду. Но, увы, ничего, похожего на весло в проплывающем мимо хламе обнаружить не удалось.

Грести оказалось непросто. Неповоротливый пластиковый гроб-контейнер все-таки не легкое каное. Но если очень хочется выбраться из мусорной реки на берег, можно заставить слушаться и его.

Через некоторое время Борису удалось причалить. Они с чернявой оказались в укромной тихой заводи под плакучей ивой, между корней которой в реку стекал небольшой изви-

листый ручеек с относительно чистой водой. Заводь не просматривалась ни с берега, ни с воздуха. В общем, хорошее место для отдыха.

По влажной траве он втащил контейнер на берег. Осмотрел раненую девушку.

С простреленным плечом чернявой была беда. Автоматный ремень, который Борис использовал в качестве жгута, во время бешеного сплава по Коллектору размок и ослаб. Из раны сочилась кровь. На плечо налипла грязь и мелкий мусор. Девушка, не приходя в сознание, тихонько постанывала.

Бросить бы ее здесь, а самому искать спасения у диких. По-любому ведь без такой обузы шансов выбраться у него больше.

Да нет, в том-то и дело, что не по-любому... Нельзя так поступать с девчонкой. Борис уже знал, что не бросит ее. Во-первых, без чернявой он вряд ли долго протянет в диких землях. А во-вторых...

Он посмотрел на спутницу в тяжелом гладиаторском ошейнике. Скользнул взглядом по милому, почти еще детскому лицу...

Ладно, хватит «во-первых». Обойдемся без розовых соплей.

Проточной водой из ручья Борис промыл девчонке рану. Сменил повязку. Бинт – из оторванного рукава. Сверху снова автоматный ремень. Когда Борис затягивал ремень, чернявая вскрикнула. Очнулась.

Дернулась, порываясь, то ли схватиться за него и встать, то ли ударить.

Борис легко перехватил ослабевшую руку девушки.

– Лежи уж, – буркнул сквозь зубы.

Расслабилась. Улыбнулась.

– Выбрались все-таки?

– Угу, – кивнул он. – Сам удивляюсь как. Повезло, типа.

Чернявая качнул головой:

– Не-а, не в везении дело. От Печки за город идут главные магистрали Коллектора. Нас быстро вынесло и не очень болтало.

– Не очень? – хмыкнул Борис.

И это по ее мнению «не очень»!

– Если бы Волна погоняла контейнер по Коллектору как следует, вряд ли кто-нибудь из нас выжил бы.

А то, что было, значит – не «как следует»?

– Вообще-то, знаешь, мы с тобой и так еле-еле...

Его не дослушали.

– Где мы? – спросила чернявая.

– За городом, как видишь, – ответил Борис.

– Далеко?

– Далеко-далеко, – успокоил он. – Не переживай.

Девушка его совет проигнорировала.

– Как далеко? Сколько мы уже проплыли?

Вот неугомонная, а!

– Откуда я знаю?

Она ненадолго задумалась.

– Когда закончился сток?

– Что закончилось? – не понял Борис.

– Ну, бетонка...

– Какая еще бетонка?

– Бетонированные берега. Когда они закончились?

– Да недавно, – пожал плечами Борис. – Собственно, как они закончились, так я к берегу и подгроб.

Чернявая нахмурилась. Заерзала, беспокойно озираясь по сторонам. Попыталась встать.

Борису пришлось прижать ее к земле.

– Не дергайся. Повязку собьешь.

– Нам лучше убраться отсюда, – быстро заговорила она.

– Ага, – скривился Борис. – И куда ты пойдешь в таком состоянии? Или нести себя прикажешь?

Она умолкла. Ну вот и отлично.

Борис растянулся на травке. До чего же приятно было лежать на бережку после болтанки в Коллекторе и качки посреди плавучей свалки.

Девушка молчала недолго.

– Гроб цел? – спросила чернявая.

Борис поднял голову, удивлено посмотрел на нее:

– В общем да. Только крышка сильно побита.

– Это ерунда, – улыбнулась она. – Главное, чтобы крышка нас прикрывала, и контейнер был на плаву.

– Ты чего? – Борис приподнялся на локте, – Хочешь опять

влезть в это корыто?

– Хочу, – она с вызовом вскинула подбородок. – В этом корыте мы уплывем дальше, чем сможем уйти пешком. И безопаснее в нем будет. Хэды охотятся за живыми. Плавающий гроб им даром не нужен.

– У тебя паранойя, да? – скривился Борис. – Или попали в плечо, а вышибли мозги? Столичные хэды сейчас зачищают Ставродар. У них там добычи выше крыши. Пока все не вывезут...

– Тихо! – подняла палец чернявая.

Борис замолчал. Прислушался. Услышал.

Далекий гул машин. Где-то поблизости проходила трасса.

И еще – стрекот. Сверху. Ближе.

Появившаяся на северо-востоке пятнистая вертушка, по всей видимости, сопровождала хэдхантерскую колонну. То ли разведчик, то ли воздушное прикрытие. А скорее всего и то, и другое.

Судя по направлению движения вертолета, колонна, шла от города. Причем не на север, к столице, а в противоположном направлении. На юг. Вниз по течению реки.

Легкая и маневренная хэдхантерская вертушка летела низко, широкими зигзагами рыская из стороны в сторону. Явно прочесывает местность, выскивая на земле добычу.

Хреново! Если хэды пройдут на бреющем полете над берегом, то смогут их заметить.

К счастью, до ивы, под которой прятались Борис и черня-

вая, машина не долетела. Вертушка заложила крутой вираж и ушла в сторону. Видимо, замусоренная река пилотов не интересовала. Хэдхантеры так и не увидели две затаившиеся в ивняке фигуры и вытщенный на берег пластиковый контейнер.

Борис с облегчением выдохнул. Пронесло. На этот раз – да.

– Видал, – чернявая ткнула острым подбородком вверх, – Ты все еще считаешь, что хэды надолго застряли в Ставродаре?

Борис не ответил. Он так больше не считал. Хэдхантерская армия, прибывшая из столицы, не теряла времени даром. Пока одни пятнистые зачищали мегаполис, другие разворачивали охоту в ближайших окрестностях.

– Ты же знаешь аппетиты хэдов, – наседала чернявая. – Должен знать.

И вновь Борис промолчал. Он знал. Еще как знал. Сам был хэдхантером.

– Начинаются рейды по пригородным Хуторам, – продолжала чернявая. – Потом пойдет чес дальше. Хэды не уйдут, пока не выгребут все подчистую и не переловят всех, кого можно поймать. Ну? Чего молчишь? Теперь-то понимаешь, что нам нужно уходить?

Нужно. Уходить, уплывать, удирать... Девчонка права.

– Стемнеет – поплывем, – пробормотал Борис.

Отправляться в путь средь бела дня на виду у барражи-

рующей поблизости вертушки он не хотел. Даже в закрытом гробу.

– А пока весло соорудим.

Это была вполне уважительная причина для задержки. Раз уж принято решение двигаться водным путем.

До заката они не перемолвились ни словом. На душе было тягостно и муторно. Атмосфера не располагала к беседам.

Борис молча мастерил из ивовой ветки весло. Раньше ничем подобным ему заниматься не приходилось, но, как известно, если долго мучаться – что-нибудь получится. И после долгих мучений действительно получилось. Кривая палка. На конце – плетенка из гибких прутьев, отдаленно напоминавшая теннисную ракетку. На упругую плетеную основу Борис намотал кусок выловленного из воды полиэтилена. Затянул веревкой из оторванной полоски ткани.

Таким инструментом можно было и отталкиваться от берега, и грести по воде. За неимением лучшего вполне можно было.

Чернявая сидела тихо, привалившись спиной к ивовому стволу и прикусив губу. Девушку беспокоило плечо.

Где-то вдаль прошла еще одна колонна. Над рекой пролетел вертолет. Слава Богу – на приличном расстоянии от их укрытия.

Борис спустил контейнер на воду, когда землю накрыли сумерки, а от реки поднялся туман. Подходящие условия для скрытого плавания.

Он прикрепил потрескавшуюся крышку УПК так, чтобы та не мешала грести, но чтобы в любой момент под ней можно было спрятаться. Забросил в лодку самодельное «весло». Помог ослабевшей спутнице перебраться в контейнер. Та едва держалась на ногах. Оступилась. Упала в воду. Плохо. Очень-очень плохо...

– Тебя как звать-то, чернявая? – спросил Борис.

Давно уже пора бы познакомиться.

– Наташа, – прозвучал в сумерках тихий голос.

Э-э-э, да она и языком-то еле ворочает.

– Понятно, – Борис улыбнулся. – Наташка-промокашка...

Промокшая чернявая, села в контейнер. Повернулась.

– А тебя, пятнистый?

– Что? – Бориса передернуло. «Пятнистый»! Издевается она, что ли? Какой он, на фиг, теперь пятнистый! Без хэдхантерского камуфляжа. С гладиаторским ошейником под подбородком?

– Как тебя зовут, спрашиваю.

– Борис, – угрюмо выцедил он.

Запрыгнул в лодку-гроб. Оттолкнулся от берега.

Ну вот знакомство и состоялось...

– Спасибо, – неожиданно раздалось за спиной.

Он удивленно оглянулся, но не поймал взгляда спутницы: та опустила глаза.

– За то, что не бросил – спасибо, – пробормотала она.

Голос девушки звучал совсем уж невнятно. Борис едва

разобрал слова. Благодарить кого-либо чернявая Наташка, явно, не привыкла.

А может, никто не давал для этого повода.

Или ей просто очень трудно сейчас говорить.

Они плыли долго. Промокшие, голодные, вымотанные. При малейшей опасности, нет, при намеке на опасность, прикрывались побитой крышкой и лежали под ней, затаив дыхание.

Время шло мимо, время проходило сквозь них. Время струилось как вода. Только утекало оно не туда, куда текла река, а куда-то назад, в обратном направлении.

День сменялся ночью, ночь – днем. Все было как во сне. Или, скорее, как в горячечном бреде.

Пару раз Борис замечал из-под крышки хэдхантерскую технику и пятнистые фигуры на берегу, а однажды прямо над ними пролетел вертолет. Но хэды не обращали внимания на плывущий по реке погребальный контейнер. Видимо, пятнистым в голову не приходило, что там могут быть живые люди.

Как-то они проплыли мимо такого же полузатопленного гроба, застрявшего на песчаной отмели. Из пластикового контейнера несло тухлятиной.

Борис старался держаться посреди реки и лишь при крайней необходимости причаливал к берегу. Иногда они с Наташкой делали привалы в камышах или в густых прибрежных зарослях. Пили только из ручьев, сбегавших к реке. Упо-

треблять грязную речную воду было небезопасно.

Утолять жажду им удавалось. А вот с пищей было сложнее. На третий день пути Борис поймал на берегу лягушку. Добычу поделили на двоих. Употребили в сыром виде. Огня не было. И было не до брезгливости.

Потом снова плыли. Убаюкивающее покачивание, плеск и журчание воды, слабость, сонливость... Наташка отключалась все чаще. Рана на плече девушки заживала плохо, и Борис начинал всерьез беспокоиться за спутницу.

В полубреду чернявая твердила, что надо плыть дальше, не останавливаясь. Борис не собирался слушать девчонку, но как назло по обеим сторонам реки пошли открытые пространства. Ни лесов, ни Хуторов, ни укромных ложбин и оврагов. Пришлось плыть.

«Ладно, еще одна ночь – и баста!» – решил он про себя.

Пора было выбираться на твердую землю, искать пищу и убежище, в котором можно отлежаться. На воде они все равно долго не протянут. Да и от Ставродара гроб-контейнер унесло уже достаточно далеко. По крайней мере, очень хотелось на это надеяться.

Борис не знал, заплывали ли другие гробы в такую даль. Вряд ли вообще-то. Настоящие покойники не умеют, грести, отталкиваться от берега и держаться на стремнине.

Наташка что-то простонала. Борис ободряюще похлопал ее по руке. Рука девушки была мокрой и горячей.

«Еще одна ночь, – вздохнул Борис. – Только одна. Ты уж

потерпи, чернявая»...

Он лег рядом, обняв ее и пытаясь согреть своим теплом худенькое дрожащее тело. Задвинул сверху крышку. Но не плотно. Им нужен был свежий воздух. И смотровая щель тоже нужна. А еще, нужно было хоть немного поспать, пока контейнер несет течением.

Бориса сморило быстро. «Только одна ночь... – еще раз подумал он, проваливаясь в небытие. – Одна. Только...»

Глава 2

– Цепляй!

Чей-то негромкий голос. Рядом совсем!

– Да быстрее ты!

Сон как рукой сняло. Борис напрягся всем телом. Неужели конец?

Стук... Кажется – металлом о пластиковую крышку.

Всплеск. Сдавленная матершина. Приглушенная ругань.

Контейнер развернуло.

– Крепче держать надо было, мурло косорукое! Лезь в воду, давай, догоняй теперь! Да живее, пока не унесло!

Их все же обнаружили. И ими заинтересовались. Борис почувствовал накатывающую волну отчаяния. Кто-то пытался вытащить из воды контейнер, ставший для них плавучим домом. Но видимо, это было не так просто.

Наташка лежала рядом. И опять – без сознания. Дышит слабо и часто. перевязанное плечо распухло. Похоже, рана воспалилась.

Борис приподнял голову. Прильнул к махонькой щелочке между крышкой и нижней половиной контейнера. Ночь. Черный берег, черная вода, чьи-то темные силуэты. Но не похоже, чтобы за контейнером охотились хэды. Слишком уж мало охотников. Двое или трое всего. И снаряга явно не хэдхантерская. Дикие? Но тогда, может быть, не все так плохо?

А ребята попались настырные.

Еще один всплеск. Снова стук о крышку. Скрежет.

Кажется, их все же зацепили.

– Вот так! – раздался чей-то шепот. – Держи-держи!

Переговариваются тихо, опасноливо как-то. А раз шепчутся – значит, осторожничают. Значит, скрываются. Значит, точно дикие.

– Теперь подтаскивай помалу!

Сильно качнуло. Очень сильно – чуть не перевернуло.

– Да аккуратнее, мать твою! Аккуратнее! Погоди, дай помогу.

Опять стук и скрежет. Глухой удар. Похоже, о берег.

– Я же говорил – гробяра, а ты не верил, – чей-то приглушенный возбужденный голос. – Глянь, похоронная табличка, все как положено. Верняк – гроб!

– Да вижу-вижу. Далеко же его унесло... Ящики из города редко сюда доплывет. Ладно, хватай с того края.

– У-у-у, тяжеленный зараза! Что там за туша-то?!

Чьи-то проворные руки тащат контейнер из воды. Пластиковое днище царапает землю, шуршит по траве. Контейнер, раскачивают, кантуют. Вправо-влево. И – вперед. Вправо-влево. И – вперед...

– Все, нормалек!

Контейнер, наконец, оставили в покое. Осматривают, похоже.

Борис стиснул зубы. Нужно было выбрать, как действо-

вать дальше. Вступать в переговоры и решить дело миром или сначала попытаться уложить «рыбаков» мордой в землю, а разговорчики разговаривать после. А то ведь неизвестно еще, как они отреагируют на мирную инициативу. Эх, жаль, чернявая в отключке. Она бы нашла с дикарями общий язык. Наверное, нашла бы... У Наташки опыт в этом деле имеется. А вот Борис таким опытом, увы, пока не обладал.

– Гля, сколько трещин на крышке, – услышал он. – Побило-то гробик нехило.

– Угу. Как только он не утоп-то?!

Кто-то шумно втянул носом воздух над самой крышкой. Кажется – будто над ухом.

Удивленное:

– А ведь и не пахнет, вроде...

Довольное:

– И хорошо. Свежий покойничек, значит. Не протух еще. Вкуснее будет.

«Вкуснее»? Что за хрень?! Борису сделалось не по себе. Надежда на мирные переговоры рассеивалась как дым. Их что же, каннибалы какие-то выловили? Или это шутка такая? Тупая...

– Ну так че, вскрываем консерву?

Нет, видимо, не шутка. Разговорчики, доносившиеся снаружи, нравились Борису все меньше. Неужели эти дикари в самом деле готовы жрать труп из гроба?

– Валяй. Открывай.

Под крышку вошел заточенный металлический штырь. Борис, спасая глаза, откинул голову назад. Лег затылком на мокрый пластик. Замер. Штырь провернулся. Крышка поддалась. И, наверное, поддалась легче, чем ожидалось.

– Оба-на! А тут уже открыто, – в голосе говорившего прозвучало изумление на грани шока.

Крышка контейнера немного сдвинулась. Борис решил не торопиться и не выскакивать сразу, как чепр из коробочки, а до последнего косить под покойника. Сил оставалось немного, и их следовало расходовать экономно. Сейчас разумнее выждать, узнать, с кем имеешь дело, понять, сколько вокруг потенциальных противников и где они находятся.

– Да их тут по ходу двое! Парень и девка, вроде. А я-то думаю, чего так тяжело!

Возле гроба тоже стояли двое. Только двое. Уже неплохо. И точно – дикие. Всем диким – дикие. Грязные, заросшие, вонючие. Вот уж по ком тресовозка плачет!

– Голубки, мля! – хмыкнул один. – Это что ж, выходит, городские жлобы теперь своих трупаков парами хоронят? Типа, дешевле обходится. И глянь-ка на них: как живые, что один, что другая! Неплохо сохранились, а?

– Охренеть! – коротко и емко подытожил второй дикарь. За время непродолжительного диалога Борис из-под прикрытых век успел разглядеть обоих.

У одного, плотного и кряжистого, в руках был топор-колун на длинном топорище. Огромный, тяжелый такой топо-

рик. Одного удара будет достаточно, чтобы раздробить человеку голову.

Другой, длинный и худой дикарь, вооружен подобием копья. Арматурный прут в человеческий рост. На две трети – обмотка изолентой, чтобы не скользила рука. Заостренный конец... Ага, вот этой заточкой, похоже, и вскрывали гроб-«консерву».

Чернявая застонала прямо в ухо Борису. Очнулась! До чего ж не вовремя! Тихий стон девушки в контейнере прозвучал, как трубный глас.

Дикари отшатнулись.

– Ни хрена себе! – растерянно пробормотал тот, что держал арматуру. – Телка-то жива!

– Ну и хорошо, – глумливо гоготнул другой. – Значит, мясо свежее. И развлечься с этим мясом можно. Сначала.

Отпали последние сомнения в том, какая участь им уготовлена. Борис, все еще закрытый крышкой по грудь, незаметно для диких шевельнул рукой. Пальцы нащупали шершавую внутреннюю поверхность пластика. Теперь одно движение – и крышка откроется полностью.

– Парня проверь, – приказал дикарь с топором. Видимо, в этом тандеме он был главным. – Ткни заточкой.

Дикий с арматурным копьем чуть наклонился над контейнером. Поднял руку, занося металлический прут.

Острие было направлено в голову Бориса. Дикарь, похоже, вовсе не собирался выяснять, жив Борис или нет. Он на-

меревался пробить ему череп. Больше медлить нельзя.

Борис толкнул крышку. Вскочил...

Замешательство диких длилось недолго. Но и этого времени ему хватило, чтобы оказаться на ногах.

– Слышите, мужики, может, договоримся, а?

Однако мужики договариваться не хотели.

– Т-твою ма-а-а!.. – первым опомнился дикий с топором.

Дикарь бросился на Бориса, целя топором в голову.

Рубящий удар был мощным, но такие сильные удары предсказуемы. Они, как правило, ведут человека за собой, а не наоборот.

Борис ушел с линии атаки, а когда лезвие топора просвистело мимо и тяжелое оружие увлекло дикого вперед, он коротко и резко ударил противника под подбородок. С маху всадил ребро ладони в чужое горло.

Тело дикаря, подавшееся вниз, само наткнулось на опасный удар.

Сухо хрустнул перебитый кадык. Борис почувствовал, как под рукой сместились хрящевые кости.

Топор-колун ударил в край контейнера. Чуть не задел голову Наташки. Острый клин расколел основание плавучего гроба. По борту их погребальной лодчонки пошла трещина.

Топор застрял в пластике. Дикарь, хрипя и задыхаясь, рухнул на землю. Схватившись за горло, он извивался в траве, словно червь. Со стороны казалось, человек душил сам себя. На самом деле дикий умирал. После таких поврежде-

ний люди долго не живут.

– Ах, ты ж, с-сука!

От дернувшегoся в его сторону острия заточки, Борис полностью уклониться не успел. Арматурное копьe, целившее в живот, царапнуло по правому боку. Потом – удар под колено. Простой, но действенный, как бьют в палочных боях.

Борис покатился по земле. Откатился к крышке контейнера-гроба.

Еще один колющий удар. Его едва не пригвоздили, как жука в коллекции энтомолога.

Борис перехватил увязшее в земле вражеское оружие. Пихнул противника ногой. Тот отшатнулся. Однако копьe из рук не выпустил.

Дикарю помогла изоляционная обмотка, за которую сподручнее было держать копьe-арматуру. Борис, схватившийся за боевой конец заточки, удержать ее не смог. Голый металл выскользнул из мокрых ладоней.

Они с диким расцепились. Но пара мгновений все же была выиграна. Борис успел подняться на ноги, а когда противник с яростным воплем набросился на него снова – приподнял крышку контейнера.

Прикрылся ею как щитом.

Звяк! Стальное острие скрежетнуло по пластику. Ушло вверх. Ударило в шею. Если бы не широкий гладиаторский ошейник – пропороло бы горло. Что ж, и от рабских колодок тоже, оказывается, бывает польза.

Копье скользнуло в сторону. Дикарь, прущий вперед, словно разъяренный кабан, по инерции подступил вплотную к Борису. Навалился на крышку, схватился за нее свободной рукой.

Ну что ж...

Борис отпустил импровизированный щит. И, что было сил, шарахнул по крышке ногой. Так бьют, когда вышибают запертую дверь.

Пластиковая крышка ударила в голову и туловище противника. Сбила дикаря с ног.

Тот упал, выронив копьё-заточку. Крышка скатилась с берега по мокрой траве. Поплыла, подхваченная течением. Вылавливать ее из воды было некогда.

Борис бросился за арматурным прутом, но сбитый противник успел схватить его за лодыжку.

Л-л-ладно! Борис навалился на дикаря. Этого типа надо было добить. Сейчас же! Немедленно!

Удар. Удар.

Правой.левой.

Кулаком, локтем...

Он методично и сосредоточенно превращал лицо дикаря в кровавое месиво. И как-то упустил из виду руки. Вернее, одну. Правую.

Левая рука дикаря постоянно мельтешила перед глазами и пыталась прикрыть голову от сыпавшегося сверху града ударов. А вот правая... Она нырнула куда-то из зоны видимости.

сти, зашарила по заплатам и карманам вонючей вытертой и штопаной куртки. И...

Откуда противник вытащил новое оружие, Борис так и не увидел. Только успел краем глаза заметить тусклый блеск стали.

Нож! Еще прежде, чем Борис понял, что сжимает дикарь в кулаке и чем размахивает, тело само инстинктивно прыгнуло вправо. Соскользнуло на землю. Борис извернулся, пытаясь поймать в болевой захват руку противника, режущую воздух.

И уже не успевая ее поймать.

Лезвие пропорол штанину, полоснуло по колену и голени. Не очень глубоко, но очень больно. Потом боль пронзила левое предплечье.

Теплое, липкое заструилось по ноге и руке. Стиснув зубы, Борис перехватил-таки руку с ножом. Но ни обезоружить, ни удержать противника он не смог.

Сцепившись друг с другом, они перекатились по земле и поменялись местами. Теперь дикарь оказался сверху. Разбитая страшная рожа, нависшая над головой Бориса, скалилась, рычала и хрипела, словно звериная морда. Густая кровавая юшка капала прямо в лицо.

У дикого словно открылось второе дыхание. Борис же чувствовал, как вместе с кровью, вытекающей из ран, уходят последние силы. Адреналиновый драйв схлынул. Сказывалась усталость и истощение.

Чтобы отвести от себя нож, пришлось вцепиться в одну чужую руку, сжимавшую оружие, своими двумя. И теперь уже не он бил дикаря. Теперь дикарь лупил его. Противник наносил свободной левой рукой удар за ударом. Борис извивался и, как мог, прикрывал голову предплечьями.

Но долго ли он так продержится? Вряд ли.

В глазах мутнело. По телу растекалась слабость. Даже обе руки уже не могли удерживать вражеский клинок на безопасном расстоянии. Ослабевшие руки дрожали и сгибались. Нож приближался к горлу. Все ближе, ближе...

Борис прекрасно видел это и отчетливо осознал происходящее. Только поделаться ничего не мог.

Он – нет, но...

Спасение от неминуемой смерти пришло неожиданно.

Тупой смачный звук. Сильный толчок в спину дикого...

Нет, не толчок – удар.

Противник, взвывая, шатнулся в сторону. Нож в его руке, удерживаемой руками Бориса, дернулся вправо. По рукоять вошел в землю. Сантиметрах в десяти от лица Бориса.

Еще один чавкающий звук. С таким металл выходит из пронзенной плоти.

И еще удар. На этот раз из груди дикого показалось заточенное острие.

Его же, дикарского, копья!

Дикарь свалился с Бориса.

Над ними стояла чернявая. С заточкой в руках. Пошаты-

ваясь, сама, едва держась на ногах от слабости, она все же сумела нанести смертельный удар.

Ее хватило даже, чтобы помочь Борису перевязать раны.

Потом они медленно приходили в себя. Борис прислушался к своим ощущениям. Нехорошие это были ощущения. Полный триндец и упадок сил! Неподъемной гирей давил на плечи гладиаторский ошейник. Тело оцепенело. И что еще хуже: куда-то подевалась прежняя живость сознания. Мысли словно застыли в киселе из мозга.

Они с чернявой Наташкой просто молча сидели, вконец обессиленные и измотанные. Тяжело и хрипло дышали. Тупо смотрели на диких. Один, пронзенный заточкой уже не дергался. Второй – посиневший, с проломленной гортанью тоже затихал. Не было ни сил, ни желания его добивать. И победа не радовала. Проку-то от такой победы!

Как теперь быть? Что делать дальше? Борис мучительно соображал. И не мог найти ответа.

Уйти далеко они не в состоянии. Раны, слабость... «Два калеки», – невесело усмехнулся он про себя.

Снова спускать на воду гроб? Нельзя. Во-первых, упавшую в реку крышку уже унесло течением, а плыть дальше в открытом контейнере слишком опасно. Первая же хэдхантерская сволочь заметит.

А во-вторых... Борис скопил глаза на торчащий из гроба топор. Колун дикаря безнадежно испортил их плавсредство. Отправляться в долгое плавание с такой трещиной в борту

– самоубийство. В лучшем случае они смогут переплыть реку. И то не факт. Если они не будут сильно грести и быстро вычерпывать воду, то потонут на стремнине. А какие из них сейчас гребцы и черпальщики? Лишний раз рукой шевельнуть не хочется. Да и чем тот берег лучше этого?

Судя по всему, они здесь застряли надолго.

И до чего же сильно, все-таки, давит проклятый ошейник! Отдышаться бы немного, да попытаться для начала снять его на фиг. Действительно, избавление от обременительного напоминания о жизни треса, стало бы хорошим началом.

Борис улыбнулся. У него появилась маленькая, но вполне достижимая цель. Усталость начала потихоньку отступать...

Глава 3

– Лежи смирно. – Борис вздохнул поглубже, стараясь сосредоточиться и унять дрожь в руках. – Вот так... Не дергайся. Бью!

Наташка, подставившая шею под лезвие трофейного дикарского топора, зажмурилась. Замерла.

Борис не рубил даже. И не собирался. Полагаться на твердость ослабевших рук в столь деликатном деле, было бы неразумно. Тщательно нацелив тяжелое оружие в нужную точку, он просто разжал пальцы и сбросил топор на приложенный к пластиковому гробу боковой выступ широкого гладиаторского ошейника.

Звяк!

Попал! Острый край лезвия под собственным весом неглубоко, но все же вошел в небольшой зазор. Борис добавил ладонью по обуху. Саданул, что было сил, вгоняя железный клин колуна в стык на ошейнике. Затем навалился всем телом.

Вот так... Вжать еще хотя бы на пару миллиметров.

А теперь, используя длинное крепкое топориче как рычаг, про-вер-нуть!

Наташка поморщилась от боли, что-то слабо пискнула. Ну да, ошейник, наверное, елозит сейчас по рубцам от ожогов на шее как наждачный камень. Ничего, потерпи малек, чер-

нявая!

Хрясь! Массивный топор-колун сделал с ошейником то же, что и с бортом плавучего пластикового контейнера. Расколол.

Раскрывшаяся колодка соскользнула с тонкой Наташкиной шеи. Из пазов и креплений вылетел спиралевидный нагревательный элемент, способный в считанные секунды обуглить кожу непокорному гладиатору. Обнажились старые шрамы, исцарапанные внутренней стороной ошейника.

Готово.

– Теперь твоя очередь, – Борис протянул топор Наташке.

Ту аж качнуло под тяжестью оружия. М-да, совсем слабая деваха. И действовать ей придется в основном одной рукой.левой. От правой сейчас толку мало.

– Осторожнее там смотри...

Борис прислонился к контейнеру. Расположился так, чтобы под удар попал ошейник, а не шея. И все же пренеприятное было ощущение. Как на плахе. Но не таскать же на себе проклятую колодку, раз появилась возможность от нее избавиться.

Наташка, взявшись под самое железо, подняла колун над головой Бориса. В голове зароились тревожные мысли. Не напрасно ли он доверился чернявой? Не сгупил ли?

Если этот тест на доверие будет пройден успешно, можно считать, что они подружились по-настоящему. А если нет? Если номер не пройдет? Если случайно или преднамеренно,

но лезвие колуна расколется не ошейник, а его черепушку? Если девчонка просто не удержит топор в руке? Чувство утраты контроля над ситуацией угнетало...

Солнечный луч, отразившись от поверхности реки, блеснул на лезвии.

– Отрубишь голову – убью, – не удержавшись, предупредил Борис.

Звяк! Дзинь!

Металл ударил по металлу. Лезвие топора отскочило от ошейника. Не попало в зазор. Зато оцарапало кожу на шее.

– У-у-у, мля! – прошипел Борис.

Мало ему дырок дикие понаставили, что ли?!

– Извини, – буркнула Наташка. – Промазала.

Со второго раза получилось. Топор ударил точно по зазору. Чернявая неловко шарахнула пару раз длинной заточкой по обуху, вгоняя его еще глубже. Потом попыталась расшатать стык.

Силенок не хватило... Одна рука – не две.

Борису пришлось помогать. Изловчившись, он тоже перехватил топором вбитого в ошейник колуна и...

– Раз, два, три! Давим! – рывком надавил на себя.

По шее словно провели стекловатой. Широкий гладиаторский ошейник чуть сдвинулся.

– Да-а-авим! – прорычал сквозь стиснутые зубы Борис, не отпуская топором.

Наташка усердно пыхла над ухом. И замок, наконец,

поддался. Ошейник раскрылся. Упал с шеи. Стукнулся о пластик. Сразу стало легче.

Обломки колизейской колодки полетели в воду. Фу-х, как все же хорошо дышится без этой дряни! Борис с наслаждением повертел шеей. Болит, зараза, но до чего же приятно! Человеком себя чувствуешь. Свободным человеком.

Дикари-людоеды гады, конечно, изрядные, однако за топорик спасибо им огромное. Инструмент пришелся весьма кстати.

Мысли вновь вернулись к парочке, выловившей гроб-контейнер. Борис скользнул взглядом по двум трупам.

– Как думаешь, Наташ, кто такие?

– Каннибалы, – Наташка пожалла простреленным плечом. Поморщилась от боли.

– Людоеды, – добавила она, словно Борис мог не понять, о чем речь. – Трупожоры.

– Ну, это-то мне уже ясно. А откуда они здесь взялись? Из какого клана приперлись? Что делают так близко к Ставродару?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Ну... У тебя все-таки больше опыта дикой жизни.

– Больше, – она вздохнула. Задумалась ненадолго. – Это могут быть изгои и одиночки, отшельники и отщепенцы без кланов.

– Среди диких есть и такие? – удивился Борис. Раньше он считал, что дикари вне кланов не выживают. Хотя что он мог

знать об их жизни раньше?

Теперь настало время узнавать побольше.

– Всякие бывают, – негромко отозвалась Наташка. – И всякое бывает. Одних изгоняют из кланов, другие уходят сами, третьи остаются без клана после хэдхантерских рейдов. Не все и не всегда находят себе новый клан. Не все и не всегда ищут его. Иногда люди пытаются выжить сами. Как могут. А когда человек борется за выживание в ход идут все средства.

– И человек опускается до каннибализма?

– Опускается, поднимается – какая разница? – Наташка, раздраженно мотнула головой. – Не нам с тобой об этом судить.

Борис нахмурился:

– Что-то я не догоняю. Ты их оправдываешь, что ли?

Она покачала головой.

– Я просто объясняю, как обстоят дела в том мире, о котором ты не имеешь представления. Тебе придется привыкать к этому миру, пятнистый. Более того, тебе придется в нем жить.

В голосе чернявой слышались тоска и злость. Мирок этот явно был не очень уютным.

– Я давно уже не пятнистый, – хмуро заметил Борис. – Пора бы и усвоить. Не нужно больше попрекать меня хэдхантерским прошлым, ладно?

Она отвернулась. Он вздохнул.

– Значит, людоеды – отбросы и остатки разных кланов, – вернулся Борис к теме разговора.

– Не всегда, – послышался ответ. – Иногда особо бедствующие кланы тоже практикуют людоедство. Но такие быстро исчезают.

– Почему?

– Если они не попадают в тресовозки, то истребляют себя сами. В условиях постоянного дефицита пищи и отсутствия табу на каннибализм члены людоедских групп или нарываю-ются на грубость со стороны более сильных кланов, или начинают охоту друг за другом. В этом случае пищевая цепочка замыкается в кольцо. Кольцо становится петлей. Петля затягивается. Самоедство сейчас – верный путь к вымиранию клана. Но голод не тетка.

– Да уж, это точно... – Борис досадливо крикнул. Упоминание о голоде было неуместным: желудок отозвался долгим урчанием и тупой ноющей болью. Эх, пожрать бы чего-нибудь!

Сколько времени они уже не ели? Много, очень много.

А истощенному организму нужно восстанавливаться. Без еды организму никак нельзя. Особенно в таких вот экстремальных условиях. Слабость снова давала о себе знать. Странно, как им вообще удалось справиться с двумя дикарями.

Борис поднялся. Медленно, с трудом. А раньше бы вскочил на раз-два.

– Куда собрался? – без особого интереса спросила Наташка.

– Пойду осмотрюсь. Может, найду что-нибудь пожевать. Она скептически усмехнулась:

– Валяй. Только хэдам на глаза не попадись.

Борис поднялся по берегу. Каннибалы не случайно прятались именно здесь. Овражистые, побитые ручьями берега поросли густой зеленью. Вдоль речного русла протянулась узкая рощица с молодым подлеском. Тоже, в общем-то, неплохое укрытие. Правда, ничего съедобного там не произрастало.

Сразу за деревьями до самого горизонта раскинулось открытое пространство. Открытое – значит, опасное. И это были не хуторские поля, сады или огороды, на которых можно хоть чем-то набить брюхо. За рощей лежала холмистая степь, поросшая полынью и ковылем. По степи вилась старая грунтовка. Впрочем, не очень старая: судя по всему дорогой все же пользовались. Но куда она ведет? И как долго придется по ней идти, чтобы хоть куда-то попасть? Увы, для длительного перехода у них сейчас все равно нет сил.

Обратно Борис вернулся в расстроенных чувствах.

– Ну и? – спросила Наташка.

– Ничего, – хмуро ответил Борис. – Вода есть, а вот еда...

Он вздохнул. Даже лягушек здесь не слышно.

– Хоть землю жри! – Борис тряхнул головой. Большим специалистом по выживанию в дикой природе он не был. А

Наташка?

Борис покосился на девушку. Чернявая провела с дикими немало времени и должна же была хоть чему-то у них научиться?

– Понятно... – безнадежно протянула она.

Судя по ее тону, науку выживания Наташка тоже освоила не так, чтобы очень.

– Там есть дорога, – вновь заговорил Борис. – Наверное, ведет к какому-нибудь Хутору. Только идти придется по открытому пространству.

– И далеко мы с тобой, конечно, не укувыляем.

– Но если все-таки доберемся до Хутора... – начал он и не закончил.

– Если доберемся? – фыркнула Наташка. – До Хутора? До хэдовской тресовозки – вот куда мы доберемся, если высунемся из «зеленки».

Борис нахмурился.

– И что ты предлагаешь? Сидеть здесь и подыхать от голода?

– Сидеть – да. Подыхать – нет. – Она повернулась к нему. Их взгляды встретились. – Зачем подыхать, если пища перед нами?

– Что? – не понял Борис. – Какая пища?

Чернявая кивнула на трупы.

– Наташа, – Борис ошалело уставился на нее, – Ты это все-ерьез?

– Они, – еще один кивок на мертвецов, – ели людей и тем выживали. Теперь наша очередь.

– Постой-постой! – Борис поморщился от неожиданной и неприятной догадки. – Ты уже пробовала... Ты ела ЭТО?

Она неопределенно мотнула головой.

Вообще-то такой ответ можно было истолковать двояко. Возможно, что определенную школу выживания в диких землях Наташка все-таки прошла.

Еще с минуту они молчали.

– Ну, так что? – снова заговорила Наташка. Голос ее был тихим и слабым. – Будем подыхать или будем жить?

«Ну, так что? – отозвалось в голове Бориса, – Подыхать? Жить?»

Жить-то оно, конечно, лучше, чем подыхать. Но дичать настолько?!

Борис покосился на трупы.

Нет, пока он на такое не готов.

– У нас нет огня! – Борис выдвинул последний неоспоримый с его точки зрения аргумент.

– И хорошо, что нет, – почти без заминки ответила девушка. – Если бы был огонь, нас бы выдал дым.

Однако! Чернявая готова жрать сырую человечину? Как мало, оказывается, он знает еще о своей спутнице.

Борис смотрел на нее долго и пристально. Наташка глаз не отвела. В ее глазах читалась жажда жизни. Жизни любой ценой. А может быть, только такие и выживают в диких зем-

лях?

Потом Борис уловил в ее взгляде что-то похожее на сочувствие.

– В первый раз всегда трудно.

Интересно, что бы это значило? Что будет еще и второй раз. И – третий. И...

Борис почувствовал, как его начинает тошнить.

– Ты знаешь по себе? – спросил он.

– Что?

– Как трудно в первый раз.

Теперь она все-таки отвела глаза.

– Так говорят.

– Да? – недоверчиво хмыкнул Борис. – А что еще говорят?

– Когда станешь есть, просто не думай о том, что это человек.

Легко сказать. Он скривился.

– Спасибо за совет, конечно... З-з-заботливая ты моя.

Она нервно дернула щекой.

– Если хочешь – загибайся от голода...

– Чтобы ты и меня потом сожрала?

– Ты к тому времени слишком отощаешь.

Если это была шутка, то очень нехорошая.

– А у меня будет достаточно сил, чтобы поискать другую еду.

А вот это верно.

Борис снова скосил глаза на дикарей. Может быть, дев-

чонка права? Речь ведь идет о жизни и смерти. А мясо, в конце-концов, есть мясо. Любое мясо.

Большие карие глаза внимательно наблюдали за ним. Надо же, как она его обработала! Как Ева Адама. Но Адаму хоть яблочко райское перепало от искушительницы. А ему... Бр-р-р. Сырая мертвечина!

– Да, и еще одно, – снова заговорила Наташка. – Никогда никому не рассказывай потом, что пробовал человечину.

Борис снова поднял на нее глаза. Она говорила так, будто он уже отведал человеческой плоти. Что ж, он был почти согласен на это. А от мысленного согласия недалеко и до поступков, после которых нет возврата.

– Не рассказывать, говоришь? – он сказал это просто так, чтобы потянуть время.

– Каннибалов не любят. Дикие могут тебя растерзать. В смысле те дикие, которые не трупожоры. Хотя...

Чернявая усмехнулась.

– Хотя, думаю, многие из них на самом деле знают вкус человеческого мяса.

Прозвучало это, как намек: не теряйся, не смущайся, не тушуйся. Люди делают это.

Но вот остаются ли они после этого людьми?

Наташка замолчала, выжидающе глядя на него. Борис не произносил ни слова. Он смотрел не на спутницу – на трупы. Ему нужно было решить для себя: есть или не есть ЭТО?

Впрочем, можно было поставить вопрос и иначе: жить или

не жить?

Тишину, повисшую между ними, как прогнивший гамак, который вот-вот оборвется, нарушил далекий шум. Сторонний звук пробился сквозь журчание воды и жужжание мух, уже круживших над мертвыми дикарями.

Борис и Наташка переглянулись. Дискуссия о каннибализме как-то сразу, сама собой, отошла на задний план. Появилась более важная проблема.

Это был знакомый звук, звук опасности. И он приближался. Секунду или две Борис и Наташка сидели неподвижно, прислушиваясь и на что-то надеясь. Но нет, ошибки быть не могло: ухо уловило рокот моторов. Кто-то ехал в их сторону.

Они уничтожили следы стычки на берегу так быстро, как только могли. Треснувший плавучий контейнер затащили в камыши. Тела диких сбросили в реку. Запекшиеся пятна крови присыпали землей и забросали травой. Вот так... Если специально не приглядываться, ничего и не заметишь.

Наташка в качестве трофея оставила себе нож дикаря. Борис забрал копье-арматуру. Топор-колун полетел в воду. Это оружие было слишком тяжелым и неудобным. Особенно для них – измученных и истощенных.

Глава 4

За происходящим они наблюдали из зарослей на берегу.

По старой грунтовке в клубах пыли неслась машина. Старенький раздолбанный джип. Такие авто, мощные, на высокой подвеске, часто использовали жители зажиточных Хуторов.

За джипом мчался пятнистый хэдхантерский броневик-разведчик. Небольшой, низенький, быстрый и маневренный он находился примерно в трех сотнях метров от автомобиля.

Борис понял сразу: это погоня. Охота это... Что-то вроде тех сафари, в которых ему самому приходилось принимать участие. Правда, тогда они преследовали диких, убежавших на своих двоих. Сейчас же хэды, судя по всему, охотились на хуторян: дикари машинами не пользовались уже давно.

Кроме разведывательного бронемобиля, никакой другой хэдхантерской техники видно не было. Пока не было. Хотя, больше-то ничего и не нужно.

На броне сидели три пятнистые фигуры с автоматами наизготовку, но хэдхантеры не стреляли. Понятное дело. Дистанция для стрельбы из подствольников-ампулометров слишком велика. Да и тряска на грунтовке неслабая. И пыль, поднятая беглецами – как дымовая завеса. К тому же шприц-ампула не пробьет ни металлический корпус джипа, ни авто-

мобильное стекло. А если лупить по колесам боевыми, можно ненароком задеть тех, кто в машине. А кому охота портить товар? Нет, хэды явно намеревались захватить беглецов живыми и невредимыми.

За рулем джипа сидел опытный водитель, а под капотом запыленной машины было упрятано немало лошадиных сил. И все же хэдхантеры уверенно сокращали расстояние, отделявшее их от добычи. Итог гонки можно предсказать уже сейчас. Догонят. Прижмут к обочине. Если нужно – подрежут, бортанут, саданут в упор очередью по колесам. Остановят так или иначе.

Автомобиль-беглец вдруг резко вывернул с грунтовки и выпрыгнул за обочину. Машину сильно качнуло, она чуть не перевернулась, но быстро выровнялась. Понеслась по бездорожью к реке.

– А эти, в джипе – не дураки, – пробормотала Наташка.

– Да? – Борис покосился на нее. – С чего ты взяла?

– Если они первыми доберутся до воды, то попытаются перебраться на тот берег вплавь. Я бы на их месте так и поступила. Так есть хоть какой-то шанс.

– Думаешь, есть? Если хэды начнут стрелять...

Наташка отрицательно мотнула головой.

– Вряд ли. Им нужны не утопленники, а живые тресы. Стрелять по плывущим они, скорее всего, не станут. Ни боевыми, ни парализующими. Наверное, вызовут подмогу. Вертолет или еще что-нибудь. Или сами попытаются найти пе-

реправу. Но на это уйдет время.

Борис пожал плечами. Может быть, Наташка и права. Но вот доедет ли джип до речного берега – это еще большой вопрос. На степной целине хуторской внедорожник все-таки сильно проигрывал в скорости хэдхантерскому вездеходу, обладавшему большей проходимостью. Дистанция между двумя машинами теперь сокращалась еще быстрее.

А больше всего Борису не понравилось то, что беглецы направлялись в сторону их с Наташкой укрытия. Нет, ну что за непруха, в самом деле?! Еще не хватало, чтобы невесть откуда взявшиеся хуторяне навели на них хэдов!

Водитель джипа гнал к реке, не жалея машины. Хэдхантеры не желали упускать добычу. Двигатели ревели, как бешенные, машины прыгали по кочкам, сизые клубы выхлопов мешались с пылью.

Бухнул одиночный выстрел.

Ага, стреляют из джипа, из приоткрытого окна. Беглецы оказались не столь уж безобидны. Огрызаются...

Еще один выстрел.

Пули пролетели мимо, не причинив преследователям никакого вреда.

Машины уже ехали по роще. Неслись между деревьев, подминая подлесок. Броневик догонял. Люди в джипе отстреливались. Пока без толку.

Сократив дистанцию до полусотни метров и зайдя слева, хэды тоже открыли огонь. Шмальнули боевыми.

Короткая автоматная очередь перекрыла шум двигателей. Полоснула перед машиной косым пунктиром пыльных фонтанчиков и взметнувшейся вверх срезанной травы.

Попали!

Борис увидел, как лопнуло левое переднее колесо. Машину, потерявшую управление, швырнуло в сторону, в другую. Заключительный скачек на кочке, попавшей под обод простреленного колеса...

Джип, набравший немалую скорость, с хрустом, треском и скрежетом влетел в густой ивняк над самым берегом. Ударился о ствол. Посыпались листья и разбитые стекла. Машина застряла в зарослях, как в ловушке. Внутри кто-то стонал и слабо шевелился.

Пятнистый броневик с триколором на борту остановился метрах в десяти от джипа. Не слезая с брони, охотники снова открыли огонь. На этот раз, правда, хэды били нелеталкой. Борис различил несколько хлопков подствольников-ампулометов. Шприц-ампулы влетели в салон джипа через разбитые окна. С левого боку, сзади...

Неожиданно распахнулась правая задняя дверь. Пригнувшись, из машины выскочил ребенок лет десяти. Он был единственным, кто еще пытался добраться до реки. Впрочем, отбежать пацану удалось недалеко. Первый хэдхантерский шприц, пущенный вдогонку и отклоненный ивовыми ветвями, воткнулся в дерево над его головой. Но уже второй попал мальчишке в спину.

Ребенок получил свою дозу парализатора. Споткнулся на бегу. Скатился по береговому склону. С плеском упал в воду.

Все? Звиздец пацану?

Нет, так просто мальчишке умереть не позволят. С брони соскочил рослый хэд. Бросился вниз, проламываясь сквозь заросли.

Верзила пронесся в нескольких шагах от Бориса и Наташки. Борис крепче сжал трофейное копьё-арматурину. Эх засадить бы гаду в спину! Хотя нет, на спине – бронник. Чтобы сразу завалить хэда, попасть надо между воротником бронжилета и каской-сферой. А лучше вообще не ввязываться в драку. Все равно шансы на победу нулевые. Броневик с хорошо вооруженным экипажем – это не два дикаря-каннибала.

Сбежавший к реке здоровяк вскоре поднялся наверх. В руках пятнистый нес скрюченного и промокшего пацана.

Спасатель, мать его!

Хэдхантер шел на них. Борис напрягся. Если их с Наташкой заметят, все-таки придется драться. Так просто снова становиться тресом он не собирается. А у пятнистого как раз заняты обе руки...

Им повезло. Хэда с ребенком окликнули:

– Ну, че там? Живой пацан?

– Живой-живой! – осклабился хэд. И свернул в сторону. – Не успел нахлебаться, сопляк.

Здоровяк положил мальчишку на землю. Двое других хэ-

дов вытаскивали добычу из джипа.

Четвертый пятнистый вылез из люка на броню. Уселся на крыше с автоматом наизготовку. И ведь наверняка в хэдхантерской машине был кто-то еще. Определенно, о нападении на этих ребят не стоит сейчас даже думать. Думать сейчас нужно о том, как бы и дальше оставаться незамеченными. Иначе придется разделить судьбу бедолаг из джипа.

Хэды тем временем извлекли из автомобиля светловолосую женщину и мужчину с разбитым лицом. Потом с заднего сидения достали девочку лет трех. И эту малышку, значит, туда же – в тресы! Хотя чему тут удивляться? Дети считаются выгодным вложением капитала и высоко ценятся на тресрынке.

Четверых парализованных людей уложили рядом. Семья, наверное... Все четверо лежат неподвижно, в одинаковой позе. В позе эмбриона. И взрослые, и дети выглядят вполне цивилизно. Точно, не дикие. Хуторяне. Свободные, типа, граждане.

Были.

После того, как столичные хэды устроили широкомасштабную охоту на улицах Ставродара, свобода хуторян гроша ломаного не стоит.

Пятнистые вытащили из джипа короткоствольное ружье. Оружие пойманных беглецов перекочевало в броневик.

Все происходило в непосредственной близости от Бориса и Наташки. Они хорошо видели и слышали хэдхантеров.

– Да-да, уже догнали, – донеслись до Бориса слова пятнистого, сидевшего на броне. Хэд, засунув руку под каску, прижимал к уху шлемофон. Он говорил громко. Так, невольно повышая голос, разговаривают по радиации когда связь не ахти.

Борис прислушался. Узнать о чем переговариваются пятнистые, лишним не будет.

– У реки взяли, – продолжал общаться хэд с невидимым собеседником. – Километрах в тридцати от Хутора. Квадрат пятьдесят один – семьдесят восемь. Ага, шустрые, заразы, за оцепление выскользнули...

Остальные члены группы, притихнув, наблюдали за говорившим.

– Что? Нет, тресовозка не нужна, сами доставим. Их тут немного. Четыре головы... Да, семейка, похоже. Мужик, баба, пацан, девчонка. Ну а у вас на Хуторе как? Зачистили уже?

Некоторое время хэд на броне слушал, не произнося ни слова. Потом кивнул. Словно общался не по радио-, а по видеосвязи и собеседник мог увидеть этот кивок.

– Да, через полчаса будем, – сухо, по-деловому закончил он. – Есть. Конец связи.

– Чего там? – поинтересовался верзила, выловивший из воды мальчишку.

– Колонна уходит через полчаса. Надо возвращаться.

– Много народу настреляли?

– Полную тресовозку.

– Круто!

– Ну дык! Все подчистую ж выгрести. В каждую щель заглянули. Теперь месяц-полтора в этом Хуторе можно вообще не появляться. Ладно, парни, хватит болтать. Грузимся и выезжаем. Бодрее-бодрее!

Видимо, этот, на броне, был главным. И хотя особой субординации в группе не наблюдалось, его приказы хэды выполняли довольно быстро.

Парализованных хуторян пятнистые загрузили в броневик через боковые люки. Разбитую машину подожгли. Сами снова полезли на броню.

Рванули баки. Взметнувшееся пламя охватило джип и иву, в которую он уткнулся. Хэды даже не потрудились слить топливо. Наверное, не было нужды. Кучеряво живут, гады пятнистые! Или просто очень торопятся.

Любоваться на разгорающийся костер хэдхантеры не стали. Рык мотора, густой выхлоп, грязь фонтаном из-под широких протекторов – и легкий приземистый броневичок сорвался с места.

– Повезло, – услышал Борис голос хриплый Наташки.

Он вопросительно глянул на нее. Девушка была бледна. На ее лбу выступили капельки пота.

– Не заметили, – пояснила она.

Да, сегодня им, в самом деле, здорово повезло. И не только потому, что охотники их не заметили.

– Ты слышала: хэды уезжают из Хутора? – спросил Борис.

Наташка молча кивнула.

– Территорию уже зачистили. Через полчаса свалят и в ближайшее время не вернутся.

Еще один кивок.

– Отсюда до Хутора недалеко. Тридцать километров всего.

Судя по переговорам, которые вели между собой хэдхантеры...

Наташка молчала. И больше не кивала.

– Мы сможем туда дойти, Наташ. Если будем держаться дороги, то...

– А зачем? – она взглянула ему в глаза.

– Что? – опешил Борис.

– Зачем нам туда идти?

Борис нутром почувствовал ее страх. Сказать по правде, он и сам не горел желанием выходить на открытое пространство, переться к чужому Хутору и уж тем более жить там, но штука в том, что другого выхода у них сейчас попросту нет.

– И тебе, и мне нужно отлежаться и зализать раны, – твердо сказал Борис. – А в Хуторе есть вода и еду там найти проще, чем здесь.

– Думаешь, пятнистые что-нибудь оставили после себя?

Борис пожал плечами:

– Вряд ли они забрали с собой все запасы и сняли урожай. Хэды охотятся за людьми, а не за харчами. К тому же они приехали из города, а в Ставродаре полно магазинов и

продовольственных складов. Сейчас им нет смысла собирать провизию по Хуторам.

Наташка смотрела на него исподлобья, не произнося ни слова.

– Возможно, мы с тобой сильно жировать на Хуторе и не будем, но... – Борис покосился на берег – туда, где недавно лежали два мертвых каннибала. – Но все же это лучше, чем жрать человечину.

– Ладно, – после недолгих колебаний согласилась Наташка. – Как стемнеет – пойдем. Попробуем дойти.

Судя по всему, ей было совсем хреново. Борис даже начал сомневаться, смогут ли они преодолеть эти три десятка километров.

Они их преодолели. Дождались ночи и дошли. Доковыляли. Человек – выносливая тварь. Когда дело касается выживания, второе дыхание для него – не предел. Если хочешь жить, если хочешь жить по-настоящему и если видишь при этом реальную возможность спастись, будет тебе и третье, и четвертое, и десятое...

За дальними холмами открылся вид на небольшой, но и не так чтоб очень маленький Хутор. На внешней границе, у самой ограды поселения Наташка все-таки потеряла сознания. В Хуторской центр Борису пришлось ее тащить на себе. Ничего, дотащил. Человек – тварь двужильная.

Глава 5

Очнулась чернявая уже в мягкой хуторской кровати. Сразу напряглась, стрельнула тревожным взглядом по сторонам, вопросительно уставилась на Бориса.

– Успокойся, – посоветовал он. – Мы в Хуторе. Добрались. Здесь никого нет.

Наташка смотрела на него с недоверчивым прищуром.

– Мы в безопасности, – как можно убедительнее произнес Борис.

Так ведь и было на самом деле.

Наверное, чернявая почувствовала это по его голосу. Вздохнула, расслабилась.

– Тут спокойно, – добавил Борис. – Тихо. Хорошо.

– Хорошо, – негромко повторила Наташка. И вздохнула еще раз. – Это хорошо, что хорошо.

Чернявая помолчала. Потом добавила:

– Так что, выходит, типа ты меня спас?

– Ну, типа того, – пожал плечами Борис.

– Хэдхантер спас треску. Надо же!

– Перестань, – поморщился Борис. – Я теперь такой же хэдхантер, как и ты.

– Ты теперь такой же трес, как и я.

– Ну да. Беглый.

– Вольный.

– Дикий.

Чернявая о чем-то задумалась.

– Я, кстати, давно жду, пока ты очухаешься, – вновь заговорил Борис.

– Ждешь? – она выгнула бровь. – Ты же не воспользовался беззащитной девушкой, когда была такая возможность?

Теперь Наташка смотрела на него как-то странно. Внимательными и озорными глазами. И не понять: шутит? Нет?

Борис окинул девчонку хмурым взглядом. Всей своей чернявой головой повредила, что ли?

– Нет, правда, не воспользовался? – не унималась она. – Ни разу?

Шуточки... Все-таки это такие шуточки у нее. Или отходняк? Нервное?

– Не до того как-то было, знаешь ли, – буркнул Борис.

– Не подкатился под бочек, пока я валялась в отключке? Не овладел подло и коварно? Не помацал даже?

– Пока сюда тебя тащил – намацался на всю оставшуюся жизнь, – скривился Борис.

Она улыбнулась.

– Не бросил. Притащил. И не воспользовался.

Захихикала.

Вот счастье-то! Прямо полные штаны!

– Нет. Довольна?

– А зачем тогда тащил? – хихиканье перешло в смех.

Зачем? Хороший вопрос. Наверное, потому, что не мог

бросить. А почему не мог – это уже другой вопрос.

– Столько тащил, тащил и не воспользовался?

Смех чернявой стал сильнее. Это уже похоже на истерику.

Что ж, после всего пережитого оно и понятно.

Смех вдруг резко оборвался.

– Ну и дурак, – следующие слова прозвучали на полном серьезе, без тени насмешки.

Борис аж поперхнулся:

– Не понял?

Большие карие глаза смотрели на Бориса снизу вверх. В упор. Улыбки на лице Наташки больше не было.

– Дурак, говорю, что не воспользовался.

Пауза.

Чернявая снова ему улыбнулась.

– Иди сюда, дурачок.

Протянула руки.

Ах, вот как?!

– Это не...

– Надо, – шепнула она. – Мне надо, тебе надо. Нам обоим надо расслабиться. Вместе. А это самый лучший способ.

Ну ладно, чернявая, сама напросилась! А собственно, почему бы и нет? В конце концов, уже достало постоянно бояться, убегать и прятаться. Пора бы выкроить и минутку для более приятных вещей. Для любви вот, к примеру. Пока есть такая возможность. Тем более, если это взаимно. А интересно, это взаимно?

Да катись оно все! Кровать и Наташка на кровати, а остальное – по боку. С остальным разберемся позже.

Как оказалось, воспользоваться беззащитной девушкой иногда бывает очень приятно. Хотя не такой уж и беззащитной была чернявая в хуторской постели.

Месяц...

Нет, больше. Точно больше. Много больше. Полтора. А впрочем, пожалуй, даже пара месяцев или что-то около того минуло с тех пор, как они поселились в обезлюдевшем Хуторе. Обезлюдевшем, но не разоренном.

О том, что здесь побывали хэдхантеры, свидетельствовали дыры во внешней и внутренней оградах, с полдюжину высаженных фугасками дверей и пара разваленных стен. Кое-где на штукатурке виднелись следы пуль. Были и следы крови: хуторяне, судя по всему, оказали вооруженное сопротивление. Но отбиться от охотников за живым товаром, конечно, не смогли.

Под ногами похрустывал расколотый пластик шприц-ампул. На асфальте темнели болванки газовых гранат и валялось несколько убитых псов.

Хэды приезжали сюда за тресами, и если пятнистые прихватили с собой что-то еще, кроме людей, это было не очень заметно. Ну, разве что нормального оружия отыскать нигде не удалось. Стволы и боеприпасы хуторян хэдхантеры выгребли подчистую. Оставлять такие опасные вещицы, конечно, было бы с их стороны большой глупостью. Что же каса-

ется всего остального...

Хутор был из зажиточных. Провизии здесь хватало. Для Бориса и для Наташки здесь нашлась и одежонка по размеру, и добротная обувь. Хуторяне оказались запасливым ребятами, а хэдов не прельщали крестьянские запасы. В колодцах было полно чистой воды. На полях, огородах и садах, раскинувшихся вокруг хуторского центра, созревал урожай. Благо, приближалась осень, и подошло время.

По улицам и за внутренней оградой бродила ошалелая от свободы скотина.

В общем, живи – не хочу. Борис и Наташка хотели. И они жили. И притом, относительно неплохо жили.

Время шло не то, чтобы незаметно, но его течение было каким-то размытым и смазанным. Дни наслаивались друг на друга, сливались, терялись. Счет им никто не вел. Не было в том особой надобности.

Они расположились в хуторской Конторе. Очень удобное во всех отношениях оказалось местечко. С чердака высокого трехэтажного дома через узкие окна-бойницы хорошо просматривалась центральная часть Хутора, обнесенная внутренней стеной, и были видны подступы к внешней ограде. А из просторного хорошо укрепленного подвала Конторы, больше похожего на бункер-бомбоубежище, уходило два подземных хода. Один вел к гаражам на окраине Хутора (видимо, оттуда и сдернули беглецы на джипе). Второй заканчивался за пределами внешней ограды. Таким образом, мест-

ные обеспечили себе возможность быстрого отхода и внезапного удара с тыла по противнику, штурмующему Хутор.

Эти тайные фортификации могли пригодиться в борьбе с дикими. Но когда в селение ворвались хэдхантеры, подземные ходы хуторян не спасли. Борис надеялся, что им с Наташкой повезет больше. Опасность-то никуда не делась.

В первую неделю в небе над Хутором появилась вертушка, но Борис и Наташка успели вовремя укрыться и не были замечены с воздуха. Потом мимо поселения дважды проходили небольшие хэдхантерские колонны. Один раз на хуторские улицы въехал бэтээр. Соскочившие с брони хэды наспех осмотрели несколько домов. Не особенно, впрочем, усердствуя. Проверка была поверхностной и проводилось, по всей видимости, для галочки.

Похоже, хэдхантеры были уверены, что Хутор пуст. И, судя по отсутствию старания с их стороны, ближайшие окрестности тоже уже основательно вычищены. Пятнистые явно не надеялись кого-нибудь здесь найти. Слегка пошарив по центру, не проверив ни чердаки, ни подвалы, хэды удалились.

Потом долго не было никого. Вообще! Ни одной живой души.

Тем не менее, Борис и Наташка соблюдали осторожность. Следов своего пребывания в Хуторе они старались не оставлять и даже огня без особой необходимости не разводили. Не расслаблялись, в общем.

Время, отдых и относительно спокойная жизнь быстро исцеляли. Рана на плече у Наташки затянулась. Зажили следы, оставленные оружием людоедов на теле Бориса. И случилось то, чего не могло не случиться. Они сблизились настолько, насколько вообще могут быть близки мужчина и женщина, живущие вместе и испытывающие – да, определенно, так и было! – симпатию друг к другу.

И именно в минуту близости они чуть не попались.

– Что это? – Девичье тело, гибкое и теплое, выскользнуло из рук Бориса.

Подхватив одежду, Наташка бросилась к окну. С улицы доносился шум.

Борис тоже вскочил, матерясь про себя и спешно одеваюсь. До чего же обидно бывает, когда неожиданно кончается то, что могло бы длиться вечно! Ведь только что, буквально секунду назад, были переплетенные тела, поцелуи, объятия, стоны, страсть, страсть, страсть...

А еще секунду спустя...

Хэды появились в Хуторе внезапно и в самый неподходящий момент. Казалось, они возникли отовсюду сразу. Рев двигателей. Свет фар и мощных фонарей. Крики, мат, приказы...

За машинами шла облавная цепь пехоты. В ночном небе стрекотала вертушка. Хэдхантерский вертолет выписывал круг за кругом. Широкое пятно света от мощного прожектора металось по улицам хуторского центра, по полям, садам

и огородам.

Борис влез в одежду и тоже прильнул к окну. До Хуторской конторы, на чердаке которой они устроили спальню и наблюдательный пункт, хэды пока не добрались, но это было делом времени. Причем не очень долгого времени.

Наташка стояла рядом. Дышала чернявая быстро и часто. Борис чувствовал запах ее разгоряченного тела. А еще – нарастающее бешенство. Возбуждение не прошло окончательно: их прервали на самом интересном месте. Но, увы, обстоятельства не располагали к продолжению любовных игр.

«Ладно, ублюдки, с вас должок!» – решил про себя Борис.

Правда, этот долг, судя по всему, придется истребовать когда-нибудь потом. Позже. Не сейчас.

Хутор плотно обложили со всех сторон, и на этот раз его прочесывали основательно, на совесть. Хэды много шумели, словно загоняя дичь, но сами при этом продвигались медленно и осторожно, тщательно осматривая каждую делянку и каждое строение. Опасаются нападения, что ли?

– А, знаешь, ведь их кто-то здорово разозлил, – вполголо-са заметила Наташка. Она тоже уже оделась.

Борис только вздохнул в ответ. Кто-то разозлил, а отдуваться им. Несправедливо, блин! Что так переполошило хэдов, и кого они надеялись найти в заброшенном Хуторе, было непонятно. Зато было ясно другое: теперь здесь не отси-дишься. Лафа закончилась. Нужно было убираться и побыст-рее.

Они не тратили времени даром. Они действовали.

Схватить оружие. Нож, копье-арматурину. Спуститься вниз, в подвал хуторской Конторы. Взять по паре фонариков, приготовленных предусмотрительными хуторянами на случай нападения. Открыть и запереть за собой дверь подземного хода...

Потом – бег в темноте, прорубаемой лучами электрического света.

Они выбрали дорогу не к гаражам, а за Хутор. Наверняка, в окраинном гараже уже хозяйничают хэды. А уйти по-тихому, пешком... Может быть, еще и получится.

Добежали. Теперь – потушить фонарики перед запертым изнутри и хорошо замаскированным снаружи люком. Отдышаться. Успокоиться. Подняться по невысокой – в три ступеньки лестнице. Тихонько сдвинуть массивный засов. Приоткрыть крышку, стараясь не обращать внимания на осыпавшуюся на голову и за шиворот землю. Осмотреться...

Вроде, никого. Борис первым выбрался наружу.

Лаз выводил в укромную заросшую ложбинку в паре десятков метров от внешней стены. Здесь можно без особого труда разместить сотню человек. А два беглеца и вовсе чувствовали себя вольготно. Но лишь до поры, до времени.

Скоро хэды ворвутся в контору, осмотрят все три этажа. И чердак. И спустятся в подвал. Быть может, найдут признаки недавнего присутствия людей. Отыщут подземные ходы. И выходы. А если охотники догадаются, что добыча улизнула

у них из-под носа, то непременно снарядят погоню. Так что фора невелика, и нужно её использовать по-умному.

– Уйдем к реке, – шепнул Борис. – Туда, откуда пришли. Переберемся на другой берег.

Может быть, они окажутся удачливее, чем те бедолаги на джипе.

Наташка покосилась на свое плечо. Борис понял ее сомнения: рана-то зажила, но рука еще слабенькая. Сможет ли чернявая перебраться через реку вплавь?

– В камышах – контейнер, – напомнил он. – Гроб. Поплывем на нем.

Правда, вот трещина в борту... Ничего, им хоть бы до середины реки добраться, а там уж как-нибудь сами.

– Хорошо, – кивнула Наташка после недолгого раздумья, – Идем.

Спасительная ложбинка вывела их в овраг, едва поросший травой. А в овраге...

Вот облом! Они с Наташкой вжались в землю.

Поперек широкой балки стояла длинный короб на колесах. Тресовозка.

Ну все! Пришли. Приехали. Приплыли. Приползли...

Возвращаться назад – значит, лезть в лапы к пятнистым, хозяйничающим в Хуторе. Выбираться из оврага по лысым склонам – хэды заметят. И вперед дороги нет.

Хотя... Борис присмотрелся.

Возле трес-транспорта бродил, попинывая колеса, чело-

век в перепачканном пятнистом камуфляже. Похоже, водитель. В руках – тяжелый гаечный ключ. Автомат на плече, каски нет вовсе. Наверное, оставил в кабине. Держится лицом к тресовозке, спиной к ним. Проводит профилактический осмотр? Или чинит что-то?

Еще один хэд слонялся неподалеку без дела. Охрана, видать...

Впрочем, и охранничек вел себя не так чтоб уж очень насторожено. Неторопливо вышагивает перед кабиной туда-сюда. Походняк как у сонной мухи. Автомат на шее, руки расслабленно свисают с приклада и ствола. Чуть затемненное противоударное забрало каски закреплено в поднятом положении так что под тенью импровизированного козырька почти не видно лица. Вообще-то тень – слабая защита. Но на счет того, что ему могут покоцать морду, хэд явно не беспокоится.

Не похоже было, чтобы кто-то из этих двоих ожидал нападения. Видимо, здесь, в укромном овраге вне Хутора они чувствуют себя в полной безопасности. Ну-ну...

Двое хэдов – не так уж и много. Сквозь такой заслон можно и прорваться. Попытаться хотя бы.

«Наследим, правда», – мысленно посетовал Борис. А что делать? Бесплотными духами мимо никак не просочишься.

Наташка, словно прочитав мысли Бориса, достала трофейный нож.

– Водила – твой, – шепнул он девушке.

Чернявая голова склонилась в кивке.

Вот и славно. Во-первых, водитель находится ближе и поглощен осмотром машины, так что к нему можно подкрасться незамеченным. Во-вторых, он без каски. И, в-третьих, у него автомат за спиной. Пока еще сдернет его с плеча... Да и выглядел он не таким здоровенным шкафом, как хэд-охранник. Справиться с ним будет проще. Наверное...

Разделившись, они доползли до последнего более-менее надежного укрытия – небольшой полоски кустистых зарослей. А когда охранник зашел за кабину и бросил ленивый взгляд вдоль тресовозки – быстро и бесшумно метнулись каждый к своей жертве.

Наверное, враг все же почуял опасность.

Краем глаза Борис видел, как Наташка, почти уже добравшая до водилы, преодолевает последние метры в прыжке.

Хэд поворачивается... Наверное, удивлен. Наверное, ошарашен. Его лица не разглядеть. Сейчас водила снова стоит спиной к Борису. Но видно, как он бросает гаечный ключ, как срывает с плеча автомат. И напрасно. Надо было отбиваться сразу – тем, что в руках. Шансов было бы больше. А так...

Чернявая налетела на пятнистого как дикая кошка. Глухой стук о борт тресовозки. Мелькнувший в воздухе нож. Хрип... Чей? Кто кого?

Дальше следить за чужим поединком не было ни времени,

ни возможности. Второй хэд заметил Бориса.

До противника оставалось всего ничего, но...

Но – не добежать уже! Не успеть!

Впрочем, Борис на это не очень-то и рассчитывал с самого начала. Перехватив заточенную арматуру за середину, он размахнулся...

Хэд вскинул автомат.

Поздно!

На долю мгновения Борис все же опередил противника, применив дикарское копьё по назначению. Бросок... Сильный. С разбега. С маху.

Арматурный прут мелькнул в воздухе. Балансировка у железяки – отвратная, конечно, но с такого расстояния не промахнулся бы даже неопытный копьеметатель.

Борис, во всяком случае, не промахнулся.

Длинная заточенная арматурина ударила точно под поднятое забрало. И словно утонуло в густой тени. Острие угодило куда-то в область правого глаза и, видимо, пробило голову до затылочной кости.

Человек с пронзенным черепом отшатнулся назад. В руках хэда дернулся автомат. Машинально, не целясь уже и не контролируя свои действия, хэдхантер нажал на спусковой крючок подствольного ампуломета.

Раздался негромкий хлопок. Но плевков пневматического подствольника – это не очередь боевыми, на которую сбегались бы все хэды с Хутора.

Шприц-ампула воткнулась куда-то в склон оврага за спиной Бориса.

Хэд упал. Качнулось туда-сюда застрявшее в черепе металлическое копьё. Потом арматурина склонилась к земле, неестественно выворачивая голову убитого.

Борис бросился ко второму хэду. Но там тоже все уже было кончено. Наташка вытирала нож о пятнистую форму. Водитель с перерезанным горлом больше не хрипел и не дергался.

Борис осторожно заглянул в кабину.

Если кто-то спрятался в трес-транспорте – им крышка. Но нет, в кабине никого не было.

Теперь – проверить салон тресовозки...

Заперто. Не зная кода, замка не открыть. Но, вроде бы, там тоже пусто. Значит, все получилось! Значит – собрать оружие, ноги в руки и...

– Фига ж себе! – услышал он удивленный голос Наташки.

Девушка, склонившись над мертвым водителем, внимательно его разглядывала. Знакомый что ли?

Борис подошел ближе.

– Чего тормозишь?

– Глянь сюда, – она указала ножом на лицо мертвеца.

Борис присел возле убитого на корточки. Поначалу ему показалось, будто вся физиономия хэда – лоб, нос, щеки, подбородок – перепачкана кровью. И не только физиономия. Выбритые виски, шея – тоже.

Да, кровь на лице, конечно, присутствовала – брызнувший из перерезанного горла фонтан оставил обильный крап. Но это... Странные совершенно одинаковые жирные перекрещенные черточки, образывавшие замысловатую сетку, покрывали все пространство под волосяным покровом. И это были явно не кровавые потеки. Что-то другое это было.

Пришла мысль о камуфляжном гриме. Но какой смысл накладывать грим под каску и забрало? Потом Борис подумал, что хэд-идиот зачем-то изрисовал себе всю голову фломастерами.

Но это была не случайная мазня и не дурацкий рисунок. Приглядевшись внимательнее, Борис понял, что смотрит на татуировку. Броскую, четкую и очень-очень сложную в исполнении. При ближайшем рассмотрении жирные скрещенные линии оказались прихотливым разноцветным узором из сотен переплетенных завитков и закорючек.

Тонкая работа. Ювелирная, можно сказать. Вряд ли такая наколка была сделана от руки. Тут, явно, использовалась запрограммированная особым образом тату-машина, вроде той, что клеймит тресов ИИН – индивидуальными идентификационными номерами. Такие штуки Борис видел на Ставродарской трес-базе.

Но метка на голове хэдхантера не имела ничего общего с позорным клеймом-цифрью. Она больше походила на боевую раскраску или некий знак отличия, стилизованный под...

Что же, все-таки, это такое? То ли буквы «хэ», то ли «иксы», то ли просто косые кресты. Нет, наверное, все же «хэ». Хэдхантер. Четкое и понятное обозначение статуса. Но если так...

Борис подошел ко второму мертвецу. Выдернул из черепа копьё-арматурину. Снял с трупа каску.

Ну да, и у этого тоже! «Х-х-х-х» по всей голове. Тщательно вытатуированные кресты, идентичные друг другу и совпадающие в мельчайших деталях с узором на голове мертвого водителя.

– Странно, – пробормотал Борис. – Они теперь метят себя, что ли?

В его бытность хэдхантером ничего подобного не практиковалось. Но все течет, все изменяется...

– И что это за фигня такая? – спросила из-за спины Наташка.

– Сам хотел бы знать, – буркнул Борис.

Но, впрочем, не настолько уж сильно он хотел этого, чтобы задерживаться здесь надолго. Разгадывать тайны хэдхантерской татуировки было некогда.

– Возьми у водилы ствол, запасные рожки, гранаты, противогаз и лезь в тресовозку, – распорядился Борис.

– В тресовозку?! – Наташку передернуло.

– В кабину, – уточнил Борис, собирая трофеи. – Свалим на машине. Хоть немного времени, да выиграем, пока хэды чухаются на Хуторе. Надеюсь, успеем доехать до реки.

– Думаешь, нас не заметят?

– Даже если заметят – это же их транспорт. Водитель получил приказ сменить позицию – что в это странного?

Наташка задумалась.

– Но когда пятнистые узнают...

– Они так или иначе все узнают, – Борис кивнул на мертвых хэдов.

Трупы прятать – значит терять драгоценное время. И с собой их не возьмешь: в тесную кабину мертвецы не поместятся, а фура, предназначенная для перевозки тресов заперта.

– Скромничать нам с тобой, Наташа, уже смысла нет. Залезай в кабину и поехали.

Наташка улыбнулась.

– Чего скалишься?

– Да так... Подумала... Беглые тресы угоняют у хэдов тресовозку. Та еще ситуевина.

Глава 6

Мощный движок тресовозки зарокотал гулко и утробно. В первые секунды Борису показалось, что рев ожившего мотора слышен даже в Ставродаре. Пришлось убеждать себя, что стянутая к хуторскому центру хэдхантерская техника производит больше шума.

В бронированной кабине трес-транспорта, рассчитанной на одного водителя, для двоих было тесновато. Но это как раз тот случай, о котором говорится: в тесноте, да не в обиде. Борис крутил широкую баранку, пристроив трофейный автомат так, чтобы в любой момент можно было схватить оружие.

Рядом сидела Наташка. Девушка держала хэдхантерский калаш в руках. Толстые затемненные боковые бронестекла были опущены, окна – обращены в амбразуры. Между собой и девушкой Борис втиснул две гранатные сумки и запасные рожки к автоматам и подствольникам. На приборной доске лежали два противогаза. От копыя-заточки пришлось избавиться: длинный арматурный прут только мешал в тесном пространстве кабины. Да и не нужен он уже.

Борис осторожно, не зажигая фар, выводил тяжелую машину из оврага. Получалось неплохо. В своем первом и последнем хэдхантерском рейде он многому успел научиться. Водить технику пятнистых тоже. Добраться бы сейчас без

проблем до холмов, а там уж и до реки рукой подать.

Увы, без проблем не получилось. По ходу движения, впереди и справа, из травы вдруг поднялись три пятнистые фигуры. Еще двое хэдов вылезли из-за кустов слева. Один, размахивая руками, бросился наперерез тресовозке.

– М-мать вашу! – зло процедила над ухом Наташка.

Ну, теперь понятно, почему хэды, приставленные к машине, вели себя так беспечно и охраняли транспорт из рук вон плохо. А чего напрягаться, если Хутор вычесывают густой гребенкой, а тылы прикрыты секретами из внешней линии оцепления. И о тайном подземном ходе они, конечно, понятия не имели.

– Стой! – закричал бежавший к тресовозке хэдхантер. – Стой, мля, говорю!

За ним не спеша, с ленцой подтягивались остальные.

Борис остановил машину, не заглушая мотора. Пришлось остановиться. Чтобы взять в руки автомат. Наташка тоже схватилась за ствол.

– Наташ, только нелеталкой, – предупредил Борис.

Стрельба боевыми могла привлечь внимание хэдов из Хутора.

– Целься в руки и ноги. Если поднято забрало – можно в лицо.

Бронежилет и каску из ампуломета все равно не пробить.

– И это... Пусть ближе подойдут.

Все должно произойти быстро. Приближающиеся к ма-

шине хэдхантеры не должны вызвать подмогу.

Наташка понимающе кивнула.

– В чем дело, мля?! Куда, мля, прешь?! Мля, кто приказал покидать укрытие?! – засыпал их сердитой скороговоркой хэд, подскочивший со стороны водительской дверцы почти к самой кабине.

Автоматы в руках хэдов на тресовозку пока не смотрели. Забрала на касках не были опущены. У двоих каски и вовсе болтались на ремнях. Видимо, пятнистые в темноте еще не разглядели, кто сидит за рулем. И, видимо, они даже мысли не могли допустить о том, что в кабине тресовозки мог оказаться дикарь.

– Я, мля, кого, мля, спрашиваю, мля! А, мля?!

Разъяренный хэд вскочил на подножку кабины. Сунулся рожей в приоткрытое окно.

Искаженное от ярости лицо в татуированной сетке. Брызжущей слюной рот. Вытаращенные глаза тупого солдафона...

– От-мля! – пятнистый, наконец, понял, кто занял кабину трес-транспорта и что за штука направлена ему в морду.

Глаза хэда стали заметно больше.

– Привет, – шепнул Борис. – Мля...

И нажал на спуск подствольника.

Негромкий хлопок. Пневматический ампуломет выплюнул шприц с парализатором.

Спасая глаза, хэд резко, скорее, инстинктивно, нежели

осознанно, дернулся в сторону. Шприц вошел не в левый глаз, куда целил Борис, а в висок. Под поднятое забрало. Все равно – один хрен!

Хэдхантер коротко, со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и кубарем скатился на землю. Свернулся калачиком где-то под правым колесом: видны только согнутые в коленях ноги.

– Огонь! – приказал Борис, выпуская второй шприц-ампулу.

И услышал, как Наташка выпускает первый.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп!

И еще – Хлоп! Хлоп!

И еще раз – Хлоп!

Все! Готово! Полдюжата скрюченных фигур застыли в сухой траве. Кажется, хэды даже не успели сообразить, что произошло. Путь был свободен. Правда, следов на этом пути теперь оставлено больше.

Добивать парализованных и собирать новые трофеи, они не стали. Когда каждая секунда на счету и когда от утекающих секунд зависит спасение собственных шкур, это слишком дорогое удовольствие.

Борис вдавил педаль газа. Кабину чуть качнуло. Колесо переехало лежавшего внизу хэда. Этому после парализатора точно уже не очухаться. Мля...

До реки они добрались без приключений. Покидая тресовозку, Борис решил оставить хэдам гостинец. Не пожалел

по такому случаю фугаски. Сунул гранату под сидение, привязал изнутри чеку к ручке чуть приоткрытой водительской двери. Потом дверь захлопнул. Теперь любой, кто будет открывать, непременно выдернет кольцо. Взрыв разнесет и кабину и человека. Да и тем, кто будет рядом, тоже мало не покажется.

Они отыскал в камышах плавучий гроб. Контейнер без крышки и с трещиной в борту лежал на том же месте, где его оставили после стычки с людоедами. Самодельное весло из ивовой ветки и полиэтиленовой обмотки валялось тут же. Авось, еще сослужит последнюю службу.

Загрузив трофеи, Борис и Наташка оттолкнулись от берега. Плыть было неудобно. Кому-то приходилось грести, кому-то – вычерпывать воду. Но половину пути они все же преодолели благополучно.

Чего, увы, нельзя было сказать о второй половине.

Хэдхантерская вертушка настигла их на середине реки. Ночь прорезал свет прожектора. Белый луч мазнул по берегу, отразился от черной воды. Достал плавучий контейнер. Слепил...

Вертушка нырнула к реке. Прошлась, как показалось Борису, над самыми их головами.

Всплески-фонтанчики. Справа, слева. Что-то ударилось о днище контейнера. Разбилось, разлетелось осколками и брызгами.

«Шприц-ампулы!» – догадался Борис. Нелеталкой быют!

Надеются завалить прямо в контейнере и взять живыми...

Ну уж нет! В трес-рабство он возвращаться не собирался. Он там уже был, и ему там не понравилось.

Вертушка пронеслась мимо. То ли качка, то ли вихревые потоки от винта помешали стрелкам на борту поразить две живые мишени с первого раза. Но в следующий раз хэды будут бить точнее.

Вертолет заходил на второй круг.

– Ну ладно, с-суки!

Борис схватил автомат.

Руки ощутили влагу, но это не беда. Хэдхантерский калаш – надежное оружие. Стряхнув воду с автомата, Борис приложился щекой к прикладу. Прицелился...

Наташка тоже подняла автомат и держала вертушку на прицеле.

К плавучему пластиковому гробу снова приближался широкий белый луч. Пятно яркого света скользило по волнистой поверхности реки.

– Пусть подлетят ближе, – прошептал Борис.

– Пусть, – согласилась Наташка. – Пусть подлетят.

Еще ближе, и еще, и еще немного...

Они больше не гребли. Течение несло их по стремнине, раскачивая и вертя неуправляемое плавсредство. И – плевать!

Контейнер, из которого никто уже не вычерпывал воду, начал тонуть под их весом и под тяжестью трофеев.

Тоже – плевать! Лучше утонуть, чем снова надеть трес-
ошейник...

Вертолет подлетел. Поймал в луч света край пластикового
гроба. Завис в воздухе. Пора!

– Пли! – выплюнул Борис.

И нажал на спуск.

Наташка тоже открыла огонь.

Прожектор ударил по глазам и ослепил, но они продолжа-
ли стрелять по источнику света даже с закрытыми глазами.

Шмаляли боевыми. Длинными очередями. Не таясь уже.
Чего теперь-то таиться?

Прожектор погас. В воду посыпалось битое стекло. Попа-
ли! Хоть куда-то...

Вертушка качнулась в воздухе, прынула в сторону, словно
обжегшаяся птица. Взвыв моторами, ушла ввысь.

Наверное, столь яростного сопротивления от двух бегле-
цов, застрявших на куске пластика посреди реки, пятнистые
не ожидали.

Но вертолет уже заходил на новый круг. Правда, теперь –
на приличном расстоянии от них. Вытянутый темный силуэт
потерялся на фоне пасмурного ночного неба.

Борис выпустил вверх еще пару коротких очередей. Не
особенно надеясь попасть, опустошил магазин до конца.

– Эй, там, на реке, прекратить стрельбу! – грянул сверху
голос, усиленный мощными динамиками.

Словно глас небесный шел из-за туч. Оглушая, подав-

ляя...

– Прекратить, или открываем огонь на поражение!

Ага, как же! Нашли дураков! Борис сменил магазин. Подумал мимоходом: рожок опустел слишком быстро. Следовало экономить патроны. Хотя, с другой стороны, какой смысл? Уже, наверное, никакого.

Ветер усилился, тучи разошлись. В образовавшейся прорехе, на фоне звездного неба снова можно было различить вертолет.

На этот раз первой стрельнула Наташка. Борис присоединился к чернявой.

Очередь, очередь, еще...

Им ответили. И тоже – боевыми. Хэдхантеры не любили, когда их жизнь подвергалась опасности.

Охота закончилась. Началась война. На вертушке заработал пулемет.

Сначала – предупредительная очередь – по воде. Взметнувшиеся у самого борта наполовину уже затонувшего контейнера фонтанчики были теперь гуще и выше. В лицо Борису брызнула вода.

– Прекратить стрельбу! – снова надсадно потребовал громкоговорители над головой. – Повторяю, немедленно прекратить, или...

Окончание фразы потонуло в автоматных очередях. Борис шмалял длинными, не жалея патронов. Наташка строчила коротко, в два-три патрона, но часто. Смазанный силуэт

вертушки то появлялся в поле зрения, то попадал. По нему били на звук винта и динамиков. Наугад, вслепую. Срезать живучую машину никак не удавалось.

Кажется, пятнистые осознали, наконец, что беглецы сдаваться не собираются.

Вторая пулеметная очередь ударила по контейнеру. Теперь огонь велся на поражение. Как и обещали хэды.

Пули рассекли плавучий гроб надвое. И без того надтреснутый пластиковый корпус раскололся, как яичная скорлупа. Трофеи – автоматы, гранаты, боеприпасы, противогазы – все разом ухнуло в воду.

Наташка скрылась с головой. Борис тоже провалился в холодную черноту. Выронил автомат, попытался перехватить тонущее оружие за ремень. Не успел.

Ох, и неудобно же было там, внизу. Пули с глухим ватным звуком входили в воду и маленькими смертоносными торпедками проносились мимо головы.

К счастью, это продолжалось недолго.

Стрельба прекратилась.

Борис вынырнул. Отфыркиваясь и отплеываясь, огляделся вокруг.

– К берегу! – донесся до него голос Наташки.

Он едва смог разглядеть чернявую голову на деготьной поверхности реки. Вроде бы Наташка неплохо держалась на плаву. Вроде бы, правое плечо и рука не подводили девчонку. Что ж, уже хорошо...

– Плыви к берегу! – посоветовала Наташка. – Лучше – под водой!

Глубокий шумный вдох. Всплеск. Голова девушки вновь исчезла из поля зрения.

Да, плыть под водой сейчас, в самом деле, предпочтительнее: вертушка барражировала над рекой. Хэды высматривали беглецов. И не факт, что, отыскав их с Наташкой, они снова не откроют огонь.

Набрав в легкие побольше воздуха, Борис нырнул...

На берег они выбрались немного ниже по течению. Сразу же выползли из воды под густую зелень. Осмотрелись. Здесь, судя по всему, был настоящий лесной массив. Густой, необъятный. Не чета хилой рощице, выросшей на том берегу.

Вертушка упрямо кружила над рекой. Однако заметить их с воздуха ночью, без прожектора и в лесистой местности шансов у хэдов было немного.

На другом берегу прогремел взрыв. Сквозь заслон деревьев и пелену ночи пробились отсветы яркой вспышки. Борис улыбнулся: фугаска! Судя по всему, пятнистые добрались до угнанной тресовозки и кто-то сдуру полез в кабину. Что ж, теперь от трес-транспорта вряд ли будет толк.

Вертушка устремилась туда, где гроыхнуло. И этим обстоятельством следовало воспользоваться.

– Бегом! – кивнул Борис Наташке. – Дергаем отсюда!

Они ломанулись сквозь заросли, не разбирая дороги. Пока над головой не стрекочет вертолет, нужно было уйти по-

далее.

Глава 7

Давно Борис не чувствовал себя таким уставшим и злым. Еще бы! Два дня бесцельного блуждания по незнакомому лесу! Без оружия (если, конечно, не считать Наташкиного ножа, который не ушел на дно вместе с остальным снаряжением), без жратвы, без нормального сна. Погони, правда, не было. Вроде бы. И все же...

Все же слишком резким получился контраст после относительно спокойной отсидки на Хуторе.

Борис покосился на Наташку. Она, наверное, к такому образу жизни привыкла. А ему вот как-то не привыкалось. Что ж, добро пожаловать в новый дикий мир, господин бывший хэ...

– Стоп! – Борис почти не расслышал выдох-предостережение чернявой, но, явственно, ощутил пальцы, вцепившиеся ему в предплечье и резко дернувшие вниз.

Повинуясь, скорее, инстинкту самосохранения, чем здравому смыслу, он опустил в траву. Удивленно взглянул на спутницу.

Та приложила палец к губам и кивком указала вперед.

Ах, вот оно что! Злость и усталость помешали сразу разглядеть сквозь сплошную зелень нечто, не имеющее отношения к дикой природе, но тщательно пытающееся под нее маскироваться. Нечто оказалось средоточием размытыми пят-

нами цвета травы и листьев. Но ни травой, ни листьями не являлось. Камуфляж – вот, что это было.

– Хэд, – одними губами не произнесла даже, а обозначила короткий звук Наташка.

«Хэдхантер!» – пронеслось в голове Бориса. Их все-таки выследили? Они напоролась на засаду? Ну, чуть не напоролась...

Но вот что странно. Хэд находился слишком высоко над землей. Он словно парил в воздухе. Или... Или висел, что ли?

Причем как-то очень странно висел, в какой-то неестественной позе.

– Дохляк, – ошарашено пробормотала Наташка.

Да, в самом деле, пятнистый, судя по всему, был мертв.

Разглядеть его толком через кусты и деревья было непросто.

Некоторое время Борис и Наташка всматривались и прислушивались. Ничего, вроде. И никого. Да и не станут же хэды вешать своего в качестве приманки.

Борис решился подойти ближе. Шаг, еще один...

Наташка, помедлив немного, тоже двинулась следом.

Еще шаг. Еще...

Просвет. Открытое пространство.

Из густой «зеленки» они вышли к старой дороге, тянувшейся через лес.

Тело в пятнистом камуфляже покачивалось у обочины.

Хэд. Хэдхантер...

Они не ошиблись. Мертвый хэдхантер. Казненный, судя по всему.

Тело висело на обрывке провода. Ногами вверх. Почему так? Да потому что за шею вздернуть его не было никакой возможности: покойник был без головы.

Однако же! Борис от изумления застыл на месте.

Мертвец чуть покачивается. Слегка поворачивается... Как в ночном кошмаре. Где-то в районе живота прикреплена картонная табличка. На табличке – жирная корявая надпись из трех букв.

«Хэд», – прочел Борис.

Хэдхантер...

Наташка отошла к лесу. Настороженно огляделась.

А Борис никак не мог отвести взгляда от трупа.

Под трупом темнеет пятно. Засохшая почерневшая кровь. Много натекло... Над кровавым пятном и над безголовым висельником роятся мухи.

Интересно, что стало с головой мертвеца?

– Глянь-ка сюда! – позвала Наташка.

Она стояла чуть в стороне – на самой обочине. В траве перед ней тоже роились мухи.

Борис подошел. Ага, ну вот и голова отыскалась...

То, что осталось от головы, вернее. Голый череп, ошметки мяса... С головы попросту сняли кожу. Кто? Зачем? Почему?

Какой-то ритуал, что ли?

– Ну и что ты обо всем этом думаешь? – Борис повернулся к Наташке.

Девушка пожала плечами.

– Не знаю, что и сказать, – она была шокирована не меньше. – Раньше ничего такого не было. Но, похоже, в этом мире кое-что меняется. И, притом довольно круто.

– Что именно?

Странно все это было. Очень странно.

– От хэдов уже не бегут, сломя голову, – ответила Наташка после недолгой паузы. – Кто-то охотится на пятнистых и не хочет этого скрывать.

– Может, каннибалы? – с сомнением спросил Борис, глядя на освежеванный череп.

– Вряд ли. Они бы сожрали все. И уж во всяком случае, начали бы не с головы. Нет, тут другое. Это – не остаток пиршества. Скорее, это послание.

– Какое еще послание? Кому?

– Хэдам. Послание и знак устрашения.

Борис покачал головой. Неизвестно как там насчет хэдов, а вот лично его подвешенное на дереве безголовое тело и череп, с которого сняли кожу, устрашали и притом весьма. Не хотелось бы оказаться поблизости, когда этот труп обнаружат хэдхантеры.

Впрочем, и с теми, кто это устроил, тоже встречаться особого желания не было.

– Теперь понятно, почему хэды так возбудились и устраивают облавы на заброшенных Хуторах, – задумчиво проговорила Наташка. – Если у них пропадают люди, а на дорогах появляются такие знаки, пятнистые, конечно же, должны были зашевелиться.

Сзади хрустнула ветка. Борис обернулся, готовясь к драке. Наташка тоже среагировала молниеносно. Выхватила нож.

Только это им не помогло.

Из-за кустов вылетело два небольших, но увесистых булыжника. Первый больно ударил Бориса в грудь и сбил с ног. Второй попал точнехонько в чернявую Наташкину голову.

Борис услышал глухой стук. Наташка, охнув, осела на землю. Упала лицом вниз, широко раскинув руки, словно обнимая сочную траву. В черных волосах влажно блеснула кровь. Наташка не шевелилась.

Убили? Вырубили? Какой гад?!

Превозмогая боль в груди, Борис перекатился за трухлявое бревно. Хоть какое-то укрытие от каменных снарядов...

А ухмыляющиеся «гады» уже выходили из кустов. Дикие. Двое. Джинсы, майки, рваные куртки... Одежда грязная настолько, что маскирует не хуже камуфляжа. На поясе к каждого – по длинному ремню с утолщением посередине. «Пращи», – догадался Борис. Вот из чего были выпущены камешки! Еще он успел заметить мешочки с запасом камней.

Дикие явно намеревались добить жертву, спрятавшуюся за бревном.

В руках у одного – того, кто пошире в плечах, покрупнее и идет первым – устрашающего вида тесак. Что-то среднее между разделочным ножом и мачете. Незнакомец вызывал стойкую ассоциацию с мясником, вышедшим со своим рабочим инструментом из-за прилавка прогуляться. «Мясник», – мысленно окрестил его Борис.

Второй – тощий и долговязый – помахивал длинной цепочкой с тяжелой гайкой на конце. Конец цепи был намотан на кулак подобно кастету.

Странно было видеть на лице второго дикаря круглые очки, нацепленные на маленький нос. Стеклышки, правда, треснувшие, а сломанная правая дужка держится на изоленге. Парень, похоже, страдает близорукостью. Однако это не помешало ему метнуть камешек из пращи.

Дикарь машинально поправил пальцем сползающие очки. Больше всего Бориса поразил именно этот типичный жест очкарика-ботаника.

Борис поднялся на ноги. Под правой ключицей, куда угодил пращевой снаряд, пульсировала боль. Сильно, но терпимо. Слава Богу, ребра целы. Вроде бы, целы...

Однако, вставая, он намеренно пошатнулся, демонстрируя, что держится на ногах не очень твердо. Следовало ввести противника в заблуждение, показать, свою беспомощность и неспособность к обороне. Пусть ребята расслабятся. Может, тогда и повезет...

Тут главное – не перестараться.

– Чего надо? – прохрипел Борис.

– Пожрать, – спокойно и как-то буднично ответил очкарик. – Мы с утра у вас на хвосте. Тащимся по вашим следам. Пора бы и перекусить.

Выходит, за ними следили? Причем, вовсе не хэды. Более опытные, дикие следопыты. И вряд ли менее опасные.

Дикари приближались. Борис отступал к висельнику. Бросаться в драку вот так сразу, с голыми руками, против двух вооруженных противников было бы по меньшей мере неосмотрительно. К тому же, нужно сначала убедиться, что их действительно только двое.

– Нет у нас жратвы, парни, – предупредил Борис.

– Гы! – басовито хмыкнул дикарь с мясницким тесаком. – Есть. Вы сами жратва, братан.

Хреново! Совсем-совсем хреново! Подтверждались наихудшие опасения. Каннибалы. Трупожоры. Опять... Откуда они только берутся?! Что же их так порасплодилось-то?!

И ведь снова – двое. Как тогда, у реки. Типа, мы с Тамарой ходим парой, да, мать вашу? Ну, конечно, вдвоем человечинку добыть проще.

– Ты – жратва и телка твоя, – продолжал мясник, – Хотя она и для другого сгодиться. Ничего так краля у тебя, братан. Такую поиметь надо сначала, а уж потом... Хотя знаешь, потом даже жалко такую жрать будет.

Трагедия, блин! Душешипательное признание людоеда с тонкой ранимой натурой.

– Зато мясо какое нежное! – прицокнул очкарик.

– М-м-м, с попочки – так особенно, а?! – закатил глаза мясник.

Очкарик хихикнул.

Ублюдки! Борис попятился к Наташке. У него уже созрел план действий. Нож чернявой – вот его и ее спасение. Если бы удалось завладеть ножом...

Для этого нужно потянуть время и, не вызывая подозрений, подойти к оружию.

– Вам что, этого мало? – Борис кивнул на повешенного пятнистого.

– Тухлятина, – скривился мясник. – Пойми братан, свежее мясо оно повкуснее будет.

Ну, кто бы спорил.

– Если есть свежачок, зачем жрать падаль? – вставил очкарик. – Верно?

Верно-то оно верно. Но ведь всякая падаль когда-то была свежачком. И если каннибалы не сожрали хэда сразу, значит, Наташка права: не они его замочили.

– Это ваша работа? – Борис бросил быстрый взгляд на мертвого хэдхантера. – Нет?

– Не-а, – ответил мясник.

– Куда щемишься, сука?! – очкарик вдруг выскочил вперед, между Борисом и Наташкой.

Цепь с гирькой на конце со свистом рассекла воздух. Чуть не задела правую руку.

Борис уже приготовившийся броситься к Наташкиному ножу, едва успел ее отдернуть. Пришлось отдернуть: с раздробленной кистью толку в драке будет мало.

Очкарик взмахнул своим оружием еще раз, отгоняя Бориса от чернявой.

Шустрый малый. И что еще хуже – сообразительный.

– Ты чего дергаешься, Очко? – а вот мясник тупил.

– Этот козел нож хотел взять!

Очкарик поднял Наташкин нож сам.

– А-а-а, – ослабился мясник в лицо Борису. – Типа, самый хитрожопый, да?

Кивнул очкарику:

– Кончаем его. Потом телкой займемся.

И снова – Борису:

– Ничего личного, братан. Просто кушать очень хочется. Без обид, лады?

И нанес удар. Рубанул быстро и резко, наискось – от плеча к бедру.

Борис не рискнул перехватывать заточенную сталь. Отскочил в сторону и...

И чуть не попал под кистень очкарика. Едва-едва вывернулся. Увесистая граненая гайка на тонкой, но прочной цепке содрала кожу с левого плеча.

Сразу видно хорошо сработанный тандем. Дикие действовали четко и слажено. Заходили с двух сторон и наносили удары почти одновременно – так, чтобы жертве труднее было

выскользнуть, но чтобы при этом не задеть друг друга. Очкарик, ловко орудовавший длинной цепью с грузиком, загонял жертву под рубящие удары мясника.

Рано или поздно Борис должен был попасть или под гайку, или под тесак. И скорее – рано, чем поздно. Долгого балета сейчас не получится. Время работало против него, и он прекрасно это понимал. А поэтому не стал тянуть.

Широкое лезвие блеснуло у самой шеи. Мясник по инерции шагнул вперед, предусмотрительно прикрывая голову левой рукой. Но Борис бить не стал. Сам не стал. Уклонившись в последний момент от тесака, он подался влево – к очкарику, прямо под свистящую в воздухе гайку. Прямо и чуть-чуть в сторону...

Ему удалось перехватить бьющую руку и цепь. Борис резко рванул оружие на себя. Вырвать намотанную на чужой кулак цепуру, правда, не смог. Да он и не особенно рассчитывал на это. Зато ему удалось изменить траекторию движения кистеня. Гайка со скоростью пули полетела по дуге за его голову, цепь хлестнула по плечу.

Хрястский стук. Вскрик.

– Ох!

Это уже сзади, за плечом и за головой. Получилось!

Краем глаза Борис успел заметить, как тяжелая гайка, перелетев через поднятую руку мясника, заносившего мачете для нового удара, впечаталась ему в голову.

Дикий рухнул навзничь. Эх, перехватить бы тесак. Так

ведь очкарик с кистенем не позволит. Ладно, зато один противник был на какое-то время выведен из строя. Уже легче.

Теперь нужно разобраться с другим. Не выпуская цепи из руки, Борис дернул очкарика к себе, намереваясь пребросить его через спину.

Тот, однако, оказался не так прост. Неожиданно шагнув вперед, он сам сократил дистанцию и первым нанес удар. На челюсть Бориса обрушился обмотанный цепурой кулак.

Борис успел поднять плечо и прикрыться. Удар прошел вскользь и был, конечно, послабее удара раскрученной гайкой. Но тоже – хорошего мало.

Клацнули зубы, в глазах заплясали звездочки. Цепные звенья содрали кожу на щеке. От резкой боли Борис на миг ослабил хватку.

А очкарик – р-р-раз! – уже рвет кистень на себя.

Цепь резанула по ладони. Кулак пришлось разжать.

Взмах: очкарик бьет снова.

Борис присел...

Гайка просвистела над головой.

... и резко крутнулся на месте, выбросив ногу.

Подсечка. Очкарик падает на спину. Борис наваливается сверху, прижимая кистень противника коленом.

Теперь намотанная на кулак цепь только мешала очкарику: она словно приковала правую руку дикаря к земле. А свободной левой он уже ничего не мог сделать против кулаков Бориса.

Борис бил почти без замаха, коротко, сильно и быстро.

Справа-слева, справа-слева...

Рассыпались по траве стекла очков, разлетелись сломанная оправа и гнутые дужки.

Отчего-то особенное удовольствие Борис получил, когда разбивал очки на лице дикаря. Наверное, потому что не вышло одно с другим: эти интеллигентные профессорские очки и дикарь-людоед, нацепивший их на свой куцый нос.

А вообще, очкарик оказался хиловат. Долго держать удары он не смог и вырубился после первой же пары. Однако в таких делах нужна надежность и подстраховка.

Еще два удара, еще два, еще. И еще один...

Сзади послышалось шевеление.

Мясник очухался? Быстро что-то, мать его!

Борис оглянулся. Ну да, так и есть! Дикарь с тесаком поднимается с земли. Лобешник в кровищи, но парень рвется в драку.

Борис тоже вскочил на ноги. Его сейчас отделало от противника с полдесятка шагов.

Дикий неожиданно взмахнул тесаком и...

Борис инстинктивно пригнулся.

Мясник швырнул в него свое оружие.

Тяжелый тесак, кувыркнувшись в воздухе, пролетел над головой Бориса и с отвратительным чавкающим звуком вошел в безголовое тело хэда. Глубоко так вошел. Висельник в пятнистой форме качнулся, словно туша на крюке в мясной

лавке.

Офигеть! Борис облизнул пересохшие губы. А ведь мачете это могло вот так же торчать и из него самого, не пригнись он вовремя.

Дикарь с устрашающим ревом бросился в рукопашную. Но теперь-то все было по-другому. Теперь они дрались на равных. Даже, пожалуй, нет: координация у противника, поймавшего лбом увесистую гайку, все еще была нарушена, и на этот раз преимущество все же оказалось за Борисом.

Разумеется, он не преминул им воспользоваться.

Легко уйдя от очень сильного, но не очень точного удара противника, Борис провел мощную боксерскую троечку. Пробил защиту дикого. Снова уложил мясника.

Бросился к висельнику – вырвать торчащий из тела мертвеца тесак и...

– Ну, хватит, что ли?

И остолбенел.

Ему в лицо смотрел обрез-двухстволка.

Глава 8

Дикарей-каннибалов все же было не двое. Трое.

Третий, с ружьем без приклада и обрезанными по самое цевье стволами стоял у кромки леса. Кряжистый, не улыбочливый такой седоватый мужик, уже в возрасте, но еще достаточно крепкий.

Кроме обреза у него имелось короткое копьё, торчавшее из-за плеча наподобие винтовки со штыком. Копьё висело на широком ремне, привязанном к толстому древку. Наконечник был сделан из длинного стального штыря, вложенного в специальный паз и намертво примотанного проволокой. Незамысловатое оружие, но эффективное в ближнем бою.

Впрочем, укороченное ружье в руках дикаря было сейчас все же более серьезной угрозой, чем заплечное копьё.

Зашевелилась, приходя в сознание, Наташка. Села, потирая разбитую голову. Попыталась встать.

– Сидеть! – обрез в руках дикаря качнулся в ее сторону.

Чернявая все поняла сразу. Замерла.

Зато на ноги поднялся мясник. Тряхнул головой. Оскандился – вполне себе даже дружелюбно:

– Ну че, братишка, обломался?

– Хватит болтать, – велел дикарь с обрезом. – Кончай их.

Борис угрюмо зыркнул на него. А что ж сам-то не кончил? Патронов жалко? Или шуметь не хочется?

Мясник, не торопясь, вразвалочку подошел к висельнику. Вырвал из трупа тесак. Осторожно – понял уже, урод, что имеет дело с опытным бойцом – шагнул к Борису.

И ведь поделаться ничего нельзя! Борис покосился на Наташку, на дикого с обрезом. Со своей позиции стрелок мог держать под прицелом их обоих.

Но все же подставлять шею под мачете Борис не собирался. Он приготовился к последней драке. Можно попытаться обезоружить мясника и прикрыться им, как щитом.

Шансов мало, конечно, почти никаких. Его, наверняка, пристрелят. Но лучше уж сдохнуть так, чем покорной овцой. Да и одним патроном у гадов станет меньше. Слабое, а все же утешение.

И потом... Пока мясник и стрелок отвлекутся на него, может, Наташка успеет... Хоть что-нибудь, да успеет сделать. Может быть.

Мясник словно угадал его мысли. Ухмыляясь, отошел к Наташке. Решил сначала зарубить ее? Точно!

Взмах. Блеск заточенной стали над чернявой головой.

– Ах, ты ж, с-с-су...

Борис бросился на помощь, прекрасно понимая, что не успевает уже. И что неминуемо нарвется на пулю или картечь.

Свист. Вскрип.

– ...ка!

Еще свист. Что-то промелькнуло в воздухе.

Стон.

Оба – и мясник с тесаком, и мужик с обрезом – рухнули как подкошенные.

У первого из спины торчала короткая толстая стрела. Второму еще одна такая же стрела пробила голову. Судя по всему, стрелы прилетели с противоположной стороны дороги.

Снова дикие? Опять трупожоры? Каннибал у каннибала, типа, жрачку отбирает? М-да, суровые нравы царят среди дикарей.

Наташка шустро подползла к стрелку с пробитым черепом. Схватила обрез.

Странно, но ей это позволили. Стрелы больше не летели. Пока не летели.

Наташка проверила оружие. Выругалась.

– Пусто!

Швырнула бесполезный обрез о землю. Что ж, теперь понятно, почему каннибалы не расстреляли их сразу. Ружье без патронов – та же палка. Дикарь-стрелок просто использовал его в качестве устрашения. Блефовал, сволочь, на понты брал. И ведь взял же!

Но откуда им было знать, что стволы не заряжены?

А из зарослей на той стороне дороги уже выходили люди. Человек десять. Все – в камуфляже. Правда, большая часть одета не в хэдхантерские штаны и куртки, а в старую армейскую форму еще докризисного образца. На некоторых были охотничьи костюмы и маскхалаты. На спине у каждого – по-

лупустой рюкзак или вещмешок. Трое или четверо – с противогазами, но ни бронников, ни касок ни у кого нет. Понятное дело: лишний вес. С таким по лесам не шибко побегаешь. Да и хэдхантерская форма, у кого она было – рваная, штопанная и явно с чужого плеча. Трофеи? Похоже на то.

У двоих из гранатных сумок торчат горлышки бутылок, заткнутых тряпками-фитилями. «Коктейль Молотова», судя по всему. Еще одна парочка несет разряженные арбалеты. У остальных – тоже простенькое дикарское оружие. Только один из всей группы держит в руках ствол. Зато какой! Хэдовский калаш – это вам не обрезанная двуствольная бердянка. Тоже, видать трофей, и нехилый притом. Интересно, а есть ли порох в этой пороховнице? Или тоже – так... для понтов больше?

Незнакомец с автоматом первым перешел через дорогу. Пятнистые штаны и куртка. Гранатная сумка явно не пустая. Противогаз на боку. Армейский нож на поясе. Биноколь на груди. А еще – ни фига себе! – рация. Вот такой дикарь! Хорошо упакован, ничего не скажешь.

Непокрытая голова. Пристальный взгляд из-под густых кустистых бровей. И плохо сочетающаяся с таким взглядом широкая улыбка.

Автоматчик скалился им по весь рот. Это был невысокий, широкоплечий, ладно сложенный человек с обветренным лицом. Сколько ему? Тридцатник? Нет, пожалуй, больше. Борис дал бы ему хорошо так за тридцать. И даже за со-

рок. Хотя... Заросшее, как у моджахеда физиономия, и косматые волосы могли состарить любого.

– Привет, Натаха! – дикий махнул им рукой. – Давно не виделись!

Натаха?! Откуда он...

Борис, разинув рот, перевел взгляд на Наташку.

– Здорово, котик, – улыбнулась автоматчику чернявая. Помахала в ответ. И вздохнула с явным облегчением.

Борис ошарашено смотрел то на нее, то на дикаря с хэдхантерским калашом.

Старые знакомые?

– Кто это? – шепотом спросил Борис.

– Так, – неопределенно мотнула головой она. – Один мой бывший.

Любовник? Вероятно. Их, вроде бы, и принято называть бывшими. Ответ чернявой не понравился Борису. Он сразу почувствовал неприязнь к дикарю с автоматом. Ревность, наверное...

– Один твой бывший, говоришь? А сколько их у тебя вообще, таких бывших?

Впрочем, чему он удивляется и на что сердится? Наташка жила у диких. Она – молодая, привлекательная девушка, которой требовалось покровительство, защита и поддержка. Так что все естественно. Объяснимо все.

– Перестань, – Наташка дернула плечиком. – Только сцен ревности сейчас не хватало! С ним, – чернявая указала

взглядом на «котика», – мы давно расстались и снова завязывать отношения меня не тянет. Так что успокойся, ладно.

Борис вздохнул. Ладно, он постарается.

«Котик» подошел ближе и Борис узнал кличку кота с кашом.

– Корень, откуда вы взялись? – спросила Наташка.

Корень, значит. Ну-ну...

– С той стороны, – ухмыльнувшись, дикарь ткнул автоматным стволом за дорогу.

– И что вы здесь делаете?

– Прячемся, – хмыкнул он.

Повернувшись к своей коdle, Корень сыпанул порцией приказов:

– Ну-ка, с трассы все сдернули! Быстро на позиции, пока хэды не заметили. Гарик, стой, ты останься. Возьми стрелков, займитесь трупожорами. Этих двоих жмуrow – оттащите от дороги. Тот, третий – живой еще, вроде. Его оставьте. Не трогайте пока, не мочите. Пускай очухается.

«Перед Наташкой красуется, командир хренов», – неприязненно подумал Борис.

Дикие шустро убрались с дороги. Группа, вышедшая из леса, вновь растворилась в густой зелени, словно ее и не было. Вслед за Корнем через дорогу перешли только три человека. Двое, арбалетчиков вынули стрелы из тел каннибалов, обтерли окровавленные наконечники и уложили короткие оперенные болты в поясные колчаны. Затем потащили

трупы в кусты.

Третий – рябой рыжеволосый парень, которого Корень называл Гариком, – склонился над очкариком-людоедом. Тот еще не пришел в себя.

– В бригадиры выбился, а Корень? – улыбнулась Наташка.

– Вроде того, – отозвался «бывший». – Я теперь старшой группы.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Корень не сводил глаз с разбитой Наташкиной головы. Не с лица – а именно с головы. В глазах его не было ничего, похожего на влюбленность. Старшой дикарей рассматривал кровь в чернявых волосах.

– Ты вообще как, Натаха? – озабоченно спросил он.

– Да, лучше всех, – морщась, она притронулась к ране от пращевого снаряда.

– Сильно досталось? – Странный тон. Сочувствия что-то не слышно. Борис напрягся. Таким тоном не интересуются о самочувствии. Скорее, допрашивают.

– Терпимо, – Наташка тоже насторожилось. – Ерунда. Заживет. А что?

– Идти сможешь?

– Не беспокойся.

– А бежать?

– Быстрее тебя.

Дикий кивнул.

– Это хорошо, если можешь идти и бегать. Это очень хорошо.

Нет, определенно было в его тоне что-то, что сильно не понравилось Борису. Да и Наташка явно не в восторге.

– А если бы не смогла? – прищурилась чернявая.

– Было бы плохо, – вздохнул Корень. – У меня приказ: не оставлять хэдам ни одного треса.

– Треса? – Наташка нахмурилась.

– Ни одного человека, которого хэды могли бы взять в качестве треса, – пояснил Корень. – Кто не сможет или не захочет идти с нами тот... В общем, тот уже никуда не пойдет.

– Как эти? – она кивнула на каннибалов.

– Да. В общем, Натаха, советую тебе присоединиться к нам и не задерживать группу на марш-бросках.

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Больше эти двое друг другу не улыбались.

– Ничего личного, – развел руками дикарь.

А ведь точно также сказанул и мясник-людоед. Те же самые слова. Борис усмехнулся. Что ж, по крайней мере, теперь можно не опасаться, что Корень отобьет у него девчонку. Убьет, если сочтет нужным – да, но не отобьет.

– А вы гуманные ребята, как я посмотрю, – холодно, без всякого выражения произнесла Наташка. – Значит, теперь принято мочить тех, кто не с вами?

Корень пожал плечами.

– Трупожоры тех, кто не с ними, съедают, – сухо ответил

он. – И к себе в компанию не приглашают. Так что мы погуманнее будем.

– Ну, если сравнивать вас с трупожорами – то да, то конечно.

Корень скривился:

– Так я не понял, Натаха, ты с нами или как?

– А у меня есть выбор?

– Нет.

– Значит – с вами.

– Молодец, – похвалил дикий. – Правильное решение.

– Только ты так и не ответил, Корень, что вы тут делаете?

– Ждем.

– Чего?

– Может, хэдовский патруль проезжать будет. Авось, ключнет на приманку, – дикий кивнул на безголового висельника – Остановится...

На приманку? Борис, прислушивавшийся к их разговору, снова насторожился.

– Правда, вы с этими, – Корень перевел взгляд на очкарика-каннибала, – нам здесь чуть всю малину не испортили.

– Так это ваша работа? – Наташка уставилась на покачивающийся труп.

– А то чья! Сбили хэда с патрульного броневичка неподалеку.

– И что патруль?

– Предпочел не останавливаться. Мало их было, в штаны

наложили. Сквозанули, на фиг. Пока вызвали подмогу, пока та подошла, нас уже не было. Хэда припрятали, сами смотались. Потом вернулись. Сделали, что надо. Подвесили вот. Ждем других пятнистых.

До Бориса вдруг дошло одно очевидное обстоятельство. Не удержавшись, он влез в чужой разговор:

– Погоди-ка, как там тебя... Корень. Вы в засаде здесь сидите, что ли?

– Сидим, – широко улыбнулся ему дикий.

– И все видели?

– В подробностях.

Значит, пока он отмахивался от людоедов, за ним наблюдали из кустиков десятков здоровенных лбов. Вместо того, чтобы помочь или хотя бы шугануть каннибалов, они просто сидели и наблюдали!

– А раньше не могли вмешаться, мать вашу? – Борис почувствовал, как его накрывает.

– Не-а, не могли, – Корень продолжал улыбаться. – Хотелось посмотреть, на что ты способен в драке.

– Посмотреть? – Борис тряхнул головой. – На что я способен? Зачем?!

– Ну, ты ведь тоже захочешь к нам присоединиться.

Вопросительной интонации Борис не уловил. Это было сказано, как о деле решенном.

– Конечно, захочешь, – продолжал дикарь. – А балласт нам не нужен. Зато позарез нужны хорошие бойцы. Натаха,

вон, боевая девчонка, я ее знаю. А тебя нет. Тебя в первый раз вижу. Поэтому тебя нужно было проверить.

Борис поморщился. Опять! Опять кому-то понадобилось проверять и оценивать его бойцовские навыки.

– Если бы на вас не вышли трупожоры, тебе пришлось бы драться с кем-нибудь из нас.

Борис вздохнул. Возможно, ему еще это предстоит. Уж слишком грубо шла вербовка. А кстати... Куда его вообще вербовали-то?

– Вы кто такие, Корень? – напрямую спросил он.

Что-то подсказывало ему: это не простые дикие. Не те дикие, что были раньше.

– Мобильная охотничья группа.

– Чего-чего? – Борис насторожился. – Охотничья?

Выходит, от одних охотников они с Наташкой сбежали, чтобы попасть к другим?

– Ага, охотничья. Егеря мы.

– Какие еще, на хрен егеря?

– Слышь, Натаха, – Корень повернулся к чернявой. – Твой дружок правда дурак или прикидывается?

– Прикидывается, – буркнула она.

Ну, спасибо, подруга... Борис бросил на спутницу косой взгляд. Ему показалось, что за немногословностью она тоже скрывает непонимание, но пока не хочет показывать свою неосведомленность.

– Какой-то он... – дикарь поморщился. – Дерганый ка-

кой-то. Нервный. И глазки бегают. Он часом сам не из тру-
позоров, а?

Борис и Наташка переглянулись. Борис вспомнил, как у
реки чернявая уговаривала его отведать человечины. И ведь
почти уговорила. Слышал бы тогда ее этот дикарь.

Глава 9

– Ладно, расслабьтесь, – хохотнул дикий. – Шучу.

– Да я поняла, – без намека на улыбку ответила Наташка.

– Ну а если без шуток, – дикий тоже вдруг посерьезнел. –

Где ты его подцепила?

Борис снова скривился. Не любил он, когда о нем при нем же говорили в третьем лице. И притом, вот так пренебрежительно.

– Это еще кто кого подцепил, – недовольно сказал он.

Но похоже, не был услышан. Дикарь сейчас расспрашивал Наташку и на Бориса не отвлекался.

– Ну? Откуда он, Натаха?

– Из этих он, из х-х...

подавившись, Наташка откашлялась.

«Хэдхантеров»? Борис прикусил губу. Как интересно реагируют на такую новость дикие, имеющие милую привычку обезглавливать хэдов и развешивать их тела по деревьям?

– ... из хуторских, – закончила фразу Наташка.

– А почему у него шея пожженная, как у тебя? Тоже носил гладиаторский ошейник?

– Носил, – не стала отрицать очевидного Наташка.

– Так он хуторянин или гладиатор?

– Долгая история.

– Продали в тресы парня?

– Типа того.

– Ясно, – хмыкнул Корень. – Короче, не из наших человек.

– Не из наших. Но я за него ручаюсь.

Борис глянул на чернявую. А вот теперь спасибо по-настоящему, от души.

– Ручаешься? – Корень прищурился. – За такие слова отвечать надо, Наташенька, ты в курсах?

– Я знаю, что говорю, Корень. Он меня из такого дерьма вытащил, которое тебе и не снилось.

Они обменялись долгими испытующими взглядами.

– Ну, раз так – другое дело, – дикарь тряхнул шевелюрой. – Натахин друг – мой друг.

Корень снова повернулся к Борису:

– Как звать-то тебя, а друг сердешный?

Борис поморщился. Ишь, дружбан выискался!

– Борис, – буркнул он.

– Э-э-э, – Корень тоже скривился. – Ты мне еще по отчету представься. Погоняло у тебя какое?

Борис смотрел на него исподлобья. Молчал.

– Я вот, к примеру, Корень, а не Саша Коренец. Макса Гаркушева, – Наташкин «бывший» кивнул на дикаря, все еще возившегося с очкариком, – мы Гариком называем. А ты? Кто ты такой?

– Берест.

– Ну, так-то оно лучше! – удовлетворенно кивнул стар-

шой дикарей. – Бери оружие, Берест. И гордись. Теперь ты не дичь, а охотник.

Ну да, опять...

Борис огляделся. Выбор так называемого «оружия», был невелик. Тесак, кистень из цепки и гайки, обрез без патронов, да копьё с заплечным ремнем.

Нет, тесак уже подняла Наташка. От ружейного огрызка без боеприпасов проку нет. Гайка на цепи? Не имея нужных навыков ею, скорее, себе лоб расшибешь, чем врага достанешь. Тем более если враг в хэдхантерских броннике и каске.

Борис поднял копьё. Повесил на плечо. Ничего, сойдет. В конце концов, с похожим оружием он уже имел дело. Заточенным арматурным прутком он завалил возле Хутора охранника тресовозки. А арматурина – то же копьё.

Обрез взял себе Гарик. Гайку на цепи – один из арбалетчиков. Видимо, дикари ценили любое оружие и не привыкли разбрасываться такими вещами.

– Тебя, Берест, наверное, многому учить придется, – задумчиво проговорил старшой. – Переучивать вернее.

– Вообще-то знаешь, Корень, – неожиданно встряла Наташка. – я, сказать по правде, тоже кое-чего не догоняю. Введешь в курс дела по старой дружбе?

– Легко, – пожал плечами дикарь. – Спрашивай, Натаха.

– Почему вы ушли так далеко от буферки?

– Вообще-то не далеко, – пожал плечами Корень. – Мы сейчас возле границы.

– То есть как это? – ошалело пробормотала Наташка.

Борис тоже вытаращил глаза. По его прикидкам буферная зона между «цивильными» и дикими землями должна начинаться много южнее от этих мест.

– После того, как столичные хэды вычистили город и Хутора, буферка расширилась, – объяснил Корень. – Некоторые егерские группы уже доходят до окрестностей Ставродара, а кое-кто даже проникает в пригороды.

Наташка присвистнула. Это было неожиданной новостью не только для Бориса.

– Так а это... А женщины? Дети? Где сейчас они? – спросила чернявая.

Пару секунд Корень непонимающе и даже немного насто-роженно смотрел на нее.

– Они далеко отсюда, – наконец, сказал он, как о чем-то само собой разумеющемся. – Кочуют по ту сторону буферки.

– То есть вы сами по себе, а они сами по себе.

Вообще-то это было странно. Члены любого дикарского клана обычно держались сообща.

– Они балласт. Здесь они нам мешают. Поэтому они находятся там, – Корень махнул куда-то себе за спину. – Их снабжают всем необходимым из зачищенных хэдами Хуторов, их охраняют.

– А вдруг рейд? – не унималась Наташка. – Разве пятнистые больше не выходят за буферку?

– Выходят, – вздохнул Корень. – Еще как выходят. Если

возникает опасность, женщин и детей уводят.

– А если увести невозможно? – спросил Борис.

– Ну, тогда... – Корень смутился, но лишь на краткий миг. – В общем, охрана приставлена не только для того, чтобы защищать.

– Чтобы убивать – тоже?

– Тех, кого нельзя спасти, мы избавляем от участи тресов.

– Ну, это мы уже поняли, – скривилась Наташка.

Корень нахмурился.

– Смерть лучше, чем рабство.

– Возможно, – и не понять, то ли соглашается чернявая, то ли нет. – Звучит, по крайней мере, красиво. Хотя, на мой взгляд, все же, излишне пафосно.

– Как есть, так и звучит.

– Слушай, Корень, а ведь ты говоришь сейчас о людях своего клана. И говоришь так спокойно!

– Кланов больше нет, Натаха.

– Что? – Наташка изменилась в лице.

– Кланов как таковых... отдельных, разрозненных кланов теперь не существует. А если что-то и осталось, то это так, мелочь, – Корень пренебрежительно махнул рукой.

Мелочь, значит? Борис был ошарашен не меньше своей спутницы. Раньше клановая система представлялась ему единственно возможным способом выживания в диких землях. Видимо, он ошибался.

– Кланов больше нет, – повторил Корень. И после корот-

кой паузы добавил. – Есть Союз.

– Союз? – Наташка растерянно захлопала глазами.

Борис чем больше слушал, тем меньше понимал.

– Какой еще Союз? – он снова вмешался в разговор. – Чего Союз? Кого Союз?

– Наш Союз, – ответил дикарь. Типа, ответил. Вроде бы даже с гордостью.

– Союз нерушимых?

– Ага, – хмыкнул Корень, – республик свободных.

Потом убрал ухмылку с лица и заговорил серьезно.

– Союз кланов. Вот какой Союз. Вот чего Союз. Это больше чем просто кланы. Это мощная структура. От нее мы и действуем.

На этот раз Наташку прорвало. Вопросы посыпались градом:

– Кто «мы»? Как действуем? Кто такие егеря? Что такое мобильные охотничьи группы? На кого вы охотитесь – на хэдов или на трупожоров? Почему шастаете под носом у пятнистых? С каких пор нападаете на хэдхантеров? Зачем их вешаете? Что делаете с их головами? Что вообще происходит?

Корень уставился на Наташку, словно на какую-то диковинку. Дикарь по кличке Гарик тоже изумленно смотрел на чернявую.

– Слушай, Натаха, вы откуда взялись такие? – произнес, наконец, Корень. – С луны свалились, что ли? Вы ж ни хрена не знаете.

– Не знаем, – согласилась Наташка. – Вот и просвети.

Некоторое время Корень смотрел на них с подозрением.

– Где вы пропадали после того, как федеральные хэды захватили Ставродар?

– Отсидживались в Хуторе.

– В каком Хуторе?

– Какая разница? В зачищенном. На том берегу. Тут река есть...

– Знаю. И что вы делали в Хуторе все это время?

– Зализывали раны. Уж, извини, пришлось залечь на дно.

Оттянув майку, Наташка показала на плече свежий, только-только затянувшийся шрам от пулевого ранения.

Дикарь кивнул:

– Понятно.

Задумался. Заговорил снова:

– Значит так. Объяснять придется много и долго. Отложим это на потом. А пока сами расскажите, что видели.

– А чего рассказывать-то? – Наташка пожала плечами. – Попали в облаву на том берегу. Еле-еле унесли ноги. Переплыли реку, ушли от хэдов. Шли два дня. Пришли сюда.

– Хм, значит скоро здесь могут появиться и пятнистые, – задумчиво пробормотал Корень. – Облавы всегда начинаются на той стороне, а потом перебираются сюда.

– Хочешь организовать нападение? – спросил Борис.

– Почему бы и нет? – скользнул по нему испытующим взглядом старшой диких егерей. – Если хэдов не очень мно-

го...

– А если много?

Корень нахмурился. Повернулся к Наташке:

– Сколько пятнистых было на Хуторе? Больше трех машин?

У Наташки вырвался нервный смешок.

– Вообще-то машин там было никак не меньше полутора десятков.

– Сколько-сколько?!

– Это – не считая вертушки и тресовозки. Но о тресовозке мы позаботились.

– Молодцы, – угрюмо произнес Корень. – Вообще-то надо было начинать с того, сколько хэдов участвовало в облаве.

– Надо было спрашивать о том, с чего надо было начинать, – огрызнулась Наташка.

– А что? – усмехнулся Борис. – В чем проблема-то? У вас, вон, я смотрю, самострелы и даже автомат есть. Гранаты опять-таки...

Корень шутки не поддержал. Или не понял. Его чувство юмора куда-то испарилось.

– Арбалетчиков в группе только двое, – на полном серьезе ответил он. – У меня в магазине всего три патрона. Гранат нет.

– А там что? – Борис кивнул на пухлую гранатную сумку. Неужели Корень тоже таскает с собой булжники, как пращники-трупожоры.

Корень открыл сумку.

– Ты, кажется, спрашивала, что мы делаем с головами хэ-дов? – повернулся он к Наташке.

И вытащил из сумки... Что-то круглое, темное.

Борис присмотрелся. Тихонько выматерился. Охнула Наташка.

Голова это была. Натурально, человеческая голова. Правда, маленькая очень. Неестественно маленькая. Не больше кошачьей. С кулак, наверное.

Глава 10

Так не бывает! Не должно быть и все тут! Но что-то подсказывало Борису: это не какая-нибудь поделка. Не кусок куклы. Настоящая голова. Только... Размеры вот только...

Может быть, голова ребенка? Нет, не может. Даже у новорожденных головы больше.

– Ё-о-о-о! – выдавила из себя Наташка. Она было в шоке.

– Что? – усмехнулся Корень. – Не видели еще такого?

– Такого – нет, – признался Борис.

Корень хмыкнул. Подкинул миниатюрную человеческую голову. Ловко поймал. Жонглер хренов!

– Ну и как? Нравится?

Хвастается он, что ли? Чем больше Борис смотрел на голову в руках дикаря, тем больше удивлялся. Точно, голова лилипута! Сама махонькая, но все пропорции соблюдены. Лишь ресницы кажутся неестественно длинными. И жесткий ежик волос топорщится, как иглы дикобраза. А так... Черты лица – вполне себе нормальные. Лицо вообще как живое. Только сероватого какого-то цвета. Темно-серого, если быть точнее. Глаза, рот, нос – все на месте. Правда, веки и губы зашиты. А еще...

Еще на коже отчетливо выделяется знакомый узор. Усохшая, но проступившая от того еще более явственно хэдхантерская татуировка, состоящая из множества косых крестов.

Не было никаких сомнений в том, кому принадлежала эта голова. Стало ясно и кое-что другое. Свое объяснение получила загадка черепа без кожи, который они с Наташкой нашли возле обезглавленного висельника. Судя по всему, в голове, которую держал Корень, вовсе не было черепных костей.

В памяти Бориса всплывали смутные воспоминания. Где-то он читал. Или видел. Или слышал, может быть. Были такие племена... Какие-то папуасы отрезали головы врагов, а потом то ли высушивали их, то ли вываривали. В общем, делали подобные сувенирчики. Тех дикарей так и называли: охотники за головами. О! Хэдхантеры, между прочим!

От неожиданной ассоциации Борис на время утратил способность говорить.

Наташка ее не утратила.

– Что это такое? – облизнув пересохшие губы, хрипло спросила чернявая.

– Чучелко, – хохотнул Корень. – Набитая песком сушеная шкура. Кожа то есть...

Дальнейшей беседы не получилось.

– Корень, слышь! – позвал Гарик. – Трупожор очухался. Че с ним делать-то? Сразу мочкануть или как?

В самом деле, очкарик зашевелился. Впрочем, теперь он был без очков. Разбитые стекла и сломанные дужки валялись рядом. На лице сочились кровью порезы от осколков.

Придя в себя, каннибал в ужасе уставился на голову в руках Корня. Видать, не таким уж и плохим было зрение у лю-

доеда.

Корень хмыкнул. Спрятал голову обратно в гранатную сумку. Подошел к пленнику.

Тот прикрылся руками. Заскулил тихонько:

– А-а-а!

– Не бойсь, твоя черепушка нам не нужна, – тяжелая ладонь Корня хлопнула каннибала по затылку с такой силой, что парень уткнулся мордой в землю. – У тебя все равно нужных меток нет.

Нужных? Для чего нужных? Борис переглянулся с Наташкой. Судя по всему, речь шла о хэдхантерских крестах. Но какое они имеют значение для членов дикарского Союза?

– Кто ты? – склонился над пленником Корень.

– А-а-а? – очкарик соображал с трудом. То ли мозги ему отшибло напрочь, то ли парень просто сильно тормозил от страха.

– Как звать-величать? – пояснил свой вопрос Корень. – Кликуха у тебя какая?

– А-а-а-очко, – проблеял очкарик без очков.

– Понятно. Ну и откуда ты, Очко, такой взялся?

– Я... я... это... – перепуганный каннибал никак не мог совладать с собственным языком.

– Какой клан? – помогал ему наводящими вопросами Корень. – Откуда пришли?

– Мы не клан. Нас трое. Всего. Из разных кланов.

– Из каких?

– Кры... кры... крылощевские, Кашанские, Милорютинские...

– Кашанских знаю, – нахмурился Корень. Он то ли говорил сам с собой, то ли вводил в курс дела Бориса и Наташку. – Так себе мелочь. Но с гонором, тля. Я думал, мы их всех уже давно того...

Корень сделал многозначительную паузу.

– И о Милорютинских слыхал. Эти посолиднее были. То же не захотели примкнуть к Союзу. За что и поплатились. Да, Очко?

Каннибал коротко и судорожно кивнул. Борис слушал и мотал на ус. Выходит, тех, кто не желает становиться частью непонятого Союза, ждет не самая приятная участь. Ну да, Корень ясно дал понять: кто не с нами, тот против нас.

– Зато ни кашанцы, ни милорютинцы теперь тресами не станут, – повернувшись к Борису и Наташке, резюмировал старшой егерей. – Мертвяков в тресы не берут.

Он снова перевел взгляд на пленника:

– Ну а Крылощевские – это кто такие?

– Это наши, – сник Очко. – Я из них. Был...

– Из клана выгнали, что ли? – фыркнул Корень. – Натворил чего?

Очко помотал головой.

– Нет. Попали под хэдхантерский рейд. Клан увезли в тресовозках. Я один только остался.

– Тьфу ты! – в сердцах сплюнул Корень. – И много вас

было?

– С полсотни.

– Полсотни тресов! – Корень неодобрительно прищелкнул – Мать вашу! Лучше бы Союз до вас раньше добрался!

Очко вскинул было голову, но возражать не стал. А, судя по всему, хотелось...

– Значит, в стайку сбились? – продолжал допрос Корень. – Людоедничаете? Трупожорствуете? Сами по себе, типа? Шакальничать решили, да? Самым легким путем пошли?

Очко молчал. А что он мог сказать?

– Дай-ка угадаю... Из буферки двинули, потому что Союза боялись. А здесь, думали, авось, пронесет, да? Думали, если на пятнистых нарветесь, хэды убивать все равно не станут? Думали, лучше в тресы, чем в могилу?

Корень словно специально себя накручивал. Голова пленника втягивалась в плечи.

– Ну что молчишь, Очко? Куда язык засунул?

Пленник снова не ответил.

Дернулся в сторону в отчаянной попытке сбежать, но лишь нарвался на пинок Гарика. Вырваться он конечно не смог.

– Ты че борзеешь? – Гарик еще раз саданул пленника под ребра.

– Очко не борзееет. Очко играет – скривил губы Корень. И задал совсем уж неожиданный вопрос:

– Кем был раньше?

– Кто? – людоед поднял на него перепуганные глаза. – Я?

– Ты.

– Когда раньше?

– До кризисов.

– Менеджер, – растерянно пробормотал Очко.

Корень усмехнулся.

– Менеджер? Ну и что же ты делал, менеджер?

– В каком смысле?

– В прямом. Чем занимался?

– Ну... – глаза парня затравлено бегали. Он явно не понимал, к чему затеян этот странный разговор.

– Ну?! – поторопил Корень.

– Ну... – пленник пожал плечами, – офис...

Корень вздохнул. Опять повернулся к Борису и Наташке.

– Вот-вот, вся страна у нас была «ну офис». Привыкли торговать чужим барахлом, качать нефть за границу, делать бабло из ничего не стоящих бумажных фантиков, плодить бюрократов, да таких вот менеджеров. «Ну офис», мать их!

Корень перевел взгляд на зашуганного каннибала. Зыркнул – как дубиной припечатал.

– Офисный планктон, да? Да, я тебя спрашиваю?!

И снова Очко не смог выдать ни слова. Только нервно кивнул.

– Планктон пожрал кита, – с ненавистью произнес Корень.

Борис удивленно посмотрел на предводителем диких. О чем это он? Об экономике, никак...

– Простейшие всегда выбирают самый простой путь, – процедил Корень. – Простой и легкий.

А это уже о чем-то другом...

– И теперь вот тоже выбрали, – продолжал Корень. – Человечину жрать. Вкусно, а?

Он навис над пленником. Очко был бледен, как снег.

– Встать! – рявкнул Корень.

Сам подняться пленник, наверное, не смог бы, но Гарик ловко вздернул людоеда на ноги. Очко весь съежился от страха. Сжался. Скукожился. Действительно, впечатление было такое, будто каннибал стал меньше. Как та голова в гранатной сумке.

Корень подошел к висельнику в пятнистом камуфляже. Кивнул на безголового хэда:

– Глянь на его руки, менеджер. У мужика ладони в мозолях. Такие мозоляки годами натирают. Сразу видно – работага. Пахал всю жизнь. Не прохлаждался под кондиционером, как некоторые, не перекладывал бумажки, не сидел в Интернете и не гонял целыми днями в компьютерные игрушки.

Корень повернулся к Очко.

– Это тебе не «ну офис». Этот хэд раньше нормальным мужицким делом занимался. И вот что я тебе скажу: в заднице мы оказались не из-за таких, как он, а из-за никчемных паразитов вроде тебя, Очко.

«Что это?» – не мог взять в толк Борис. Проявление клас-

совой ненависти? Поиск виновных в череде экономических кризисов? Запоздалый, слепой и судорожный поиск, когда всех – под одну гребенку...

– Мужик, правда, тоже ссучился и выбрал паскудный путь, – продолжал Корень. – Пошел в пятнистые, ублюдок. Но он хотя бы людей не жрал. А ты...

Глаза Корня горели. Каннибала била дрожь.

– А ты – жрешь! Жрешь, спрашиваю?!

Очко выхрюкнул что-то нечленораздельное.

– Четче отвечать! – потребовал Корень. – Жрешь? Только не виляй и не вздумай отпираться – хуже будет! Ж-ж-жрешь, сука?

– Д-д-да, – едва расслышал Борис слабый дрожащий голос.

Каннибал понял, что его конец близок.

– Ну так жри!

Вырвав людоеда из рук Гарика, Корень пихнул пленника мордой в висящий вверх ногами безголовый труп. Засиженный мухами и уже начинавший пованивать.

Влажный почерневший срез на шее хэда оказался как раз на уровне лица Очка. Потревоженные мухи, тяжелые, жирные и зеленые, разлетелись с возмущенным жужжанием.

– Жри, я сказал! – потребовал Корень.

В наступившей тишине звонко лязгнул автоматный затвор.

Неужели Корень патрона не пожалеет? Но тогда почему

бы сразу не пристрелить каннибала? Зачем весь этот спектакль?

– Давай, жри-и-и!

Очко всхлипнул раз, другой. И начал...

Жрать начал.

Плача и трясясь, человек, окончательно утративший человеческий облик, отгрызал от раны на шее висельника подсохшую сукровицу, протухшее сырое мясо и клочья кожи. Кривился, но жевал, жевал через силу. И – тьфу ты, мерзость какая! – глотал.

По щекам, порезанным стеклами очков, текли слезы, но менеджер-каннибал не останавливался. Челюсти работали...

Борис отвернулся. Он не мог на такое смотреть. К горлу подкатывал тошнотворный ком. От одной мысли о том, что там, на реке, едва выбравшись из плавучего гроба, он сам едва не согласился есть людей, хотелось вырвать.

– Планктон пожрал кита... – снова повторил Корень свою странную фразу. Сказал неторопливо, зло, четко и вдумчиво.

А после – нанес удар. Быстро и резко. И точно. И сильно. Очень.

Так бьют, когда хотят убить.

Приклад калаша впечатался под затылок пленнику. Хрустнули шейные позвонки. Очко ткнулся лицом в погрызенную рану. Перепачкался. Упал. Дернулся несколько раз. Голова нелепо мотнулась на перебитой шее. Каннибал затих.

Над ним медленно покачивалось мертвое тело в пятнистом камуфляже.

Охотник за человеческими головами казнил пожирателя человечины. Самосуд свершился. Самосуд или все же справедливая кара?

– Убрать падаль, – приказал Корень Гарику и двум арбалетчикам.

Голос его был усталым и бесцветным.

Очко утащили за кусты – туда, где уже лежали два трупа.

Глава 11

– Давить надо такую мразь, – процедил сквозь зубы Корень.

– Можно было его просто прикончить, – заметил Борис. – Сразу.

И осекся под взглядом Корня.

– Нельзя, Берест! Просто и сразу – нельзя. Нужно давить. Для этого полно причин.

Недолгое молчание, а потом...

– Во-первых, бегущие от Союза трупожоры – это легкая добыча для хэдов, – принялся объяснять Корень, хотя ни Борис, ни Наташка не требовали объяснений. Он словно оправдывал свой поступок в собственных глазах. – А легкая добыча рано или поздно попадает в тресовозки и подпитывает трес-трафик. Во-вторых, эти выродки доставляют неприятности нам, – Корень поморщился. – Могут напасть на разведчиков, на отставших или заблудившихся егерей. В-третьих, они сжирают мертвых хэдов, которых мы вешиваем у дорог, чтобы показать пятнистым, что их ожидает. Ну, и в-четвертых...

Корень задумался на пару мгновений.

– В четвертых, тварей нужно давить, просто потому что их нужно давить, – закончил он.

Снова повисла пауза. И снова Корень заговорил:

– Человечина... Мясо, которое легко добыть. К нему при-
выкаешь. А так нельзя.

Ну да... Простая такая, незатейливая мораль нового за-
рождающегося на диких землях общества, именуемого Со-
юзом кланов.

– Людоествовать, значит, нельзя, а делать из человече-
ских голов побрякушки – можно? – Борис скользнул взгля-
дом по гранатной сумке на боку Корня.

– Головы нужны для дела, – сухо ответил тот.

Вообще-то, если рассуждать непредвзято, то и канниба-
лизм, кое-кому нужен для выживания, как бы мерзко это ни
звучало. Впрочем, Борис решил проявить благоразумие и не
распространяться на эту опасную тему. Он заговорил о дру-
гом. О том, что его заинтересовало больше.

– Для какого такого дела могут понадобиться сушеные че-
ловеческие головы? – спросил Борис.

Если дикарь и хотел ему ответить, то не успел.

– Корень! – ожила рация на поясе старшого. – Вызывает
пост один!

Корень вытащил из чехла трубку с антенной.

– Корень! Корень! – хрипло взывала рация. – Прием...

Щелчок, писк. Корень нажал тангетку, поднес микрофон
ко рту.

– Слушаю, пост-один. Прием.

– Корень! Воздух! Наблюдаю вертушку на юго-востоке.
Летит над дорогой. Направляется в вашу сторону.

Борис поднял голову. Небо было чистым. Отсюда вертолета не видно и не слышно. Но, судя по всему, у диких имелись дальние дозоры, предусмотрительно расставленные вдоль дороги. Да, воевать егеря Союза умели. И воевать, и охотиться.

– Быстро в укрытие! – приказал Корень Борису и Наташке. – Да не на эту – на ту сторону!

Они перебежали дорогу. Нырнули за обочину. Вломились в «зеленку». Ох, и навалено же тут всего! Борис чуть не переломал ноги. По таким буеракам, наверное, легче будет уйти от погони. Не мудрено, что Корень решил устроить засаду именно здесь.

– Туда!

Старшой толкнул их к бурелому на небольшом пригорке. Ого, знатное укрытие! Всем, блин, укрытиям укрытие!

Засадное лежбище егерей впечатляло. Под огромными трухлявыми стволами и вывороченными пнями, заваленными кучами хвороста, поросшими непролазным кустарником и молодыми деревцами, располагались несколько неприметных нор, в которых без труда могла расположиться вся группа Корня. Тайные лазы закрывал густой шиповник. Колючие кусты приподнимались при помощи подложенных под дерн решеток, сплетенных из гибких ветвей.

Хитро придумано. Хитро и надежно. Даже если враг будет стоять над головой, все равно ничего не заподозрит.

Корень, приподняв один из шипастых кустов, велел Бори-

су, Наташке и Гарику лезть в темную нору. Сам старшой с двумя арбалетчиками скрылся в соседнем лазе.

Из-под бурелома-блиндажа дорога хорошо просматривалась. И простреливалась, надо полагать тоже. Но пока смотреть особенно было не на что. Разве что на безголовое тело в камуфляже. Казненный хэд висел как раз напротив. Вокруг среза на его шее снова вились мухи.

Бориса чуть не стошнило, когда он вспомнил, как Очко ткнули туда мордой.

– Слышь, Гарик, а чего Корень так лютовал над очкариком? – шепотом спросила Наташка. Ей, похоже, тоже была не совсем понятна бессмысленная жестокость старшого.

– От группы отбилась его девчонка, – так же тихо ответил тот. – Трупожоры ее сожрали. Мстит, короче, Корень. Нравилась она ему сильно.

Ну-у-у, тогда все ясно. Борис покосился на Наташку. Во-время ты, чернявая, порвала со своим «котиком». А то ведь могли бы и тебя сожрать.

Сверху послышался знакомый стрекот. Вертушка? Ага, вон она! Хэдхантерский вертолет, весь в камуфляжных пятнах, с трехцветной меткой на борту на несколько мгновений завис над безголовым хэдом. Чуть снизился...

– Заметили, – вполголоса пробормотал Гарик.

Да, судя по всему, так и было. Сейчас, наверняка, пилоты докладывают об увиденном и выслушивают указания к дальнейшим действиям.

От воздушных потоков висельник начал раскачиваться сильнее. Разлетелись потревоженные мухи.

Так, кажется, радиопереговоры закончены. Пилоты получили приказ. Вертушка легла на крыло, начала кружить над дорогой и лесом. Выписываемые ею круги становились все шире. Вертушка все реже попадала в поле зрения. Иногда нельзя было разобрать даже шума винтов.

– Ищут, гады пятнистые... – пробормотал Гарик.

О том, кого ищут, гадать не приходилось: пилоты высматривали диких, оставивших им подарочек у обочины.

Хэды работали на совесть. Машина шла низко, почти касалась брюхом верхушек деревьев. Пожалуй, Корень правильно сделал, что не увел группу от дороги, а спрятал в заранее подготовленном убежище. Иначе пятнистые запросто могли бы их обнаружить.

– Корень, пошла колонна, – снова подала голос рация.

Звук донесся из соседней норы-укрытия. Сейчас, когда люди замерли в напряженном молчании, хрип рации, показался оглушительным.

– Сколько машин? – услышал Борис голос Корня.

– Пока вижу пять, – отозвалась рация. – Вместе с дозорной.

– Дозор в отрыве? – поинтересовался Корень.

– Нет, держится на расстоянии прямой видимости...

Борис подумал, что невидимый наблюдатель тоже находится в надежном укрытии. Раз уж он видит хэдов, а они его

– нет.

– Вижу шесть машин. Семь... десять...

– Ясно, – перебил Корень. – Конец связи. Молчание в эфире.

Щелчок отключаемой радиации. Вряд ли хэды с проходящей мимо колонны могли слышать их переговоры, но Корень предпочитал не рисковать.

Тишина. Потом – приказ Корня:

– Хэдов слишком много. Пропускаем колонну. Этот кусочек нам не по зубам.

В голосе старшего группы звучало плохо скрываемое сожаление.

Колонна даже не остановилась. Мимо покачивающегося у обочины тела машины промчались на полной скорости. Около двух десятков бронетранспортеров и легких броневиков. Хэдхантерский десант, укрывшийся за внешними бронезаслонками так, что видны только каски. Автоматные стволы, торчащие из бойниц...

Атаковать такую колонну, действительно, не имело смысла. Что ж, по крайней мере, свою задачу безголовый висельник выполнил. Хэды, судя по всему, были напуганы.

Когда шум моторов стих и пыль улеглась, Корень выждал с полчаса и снова включил радиацию.

– Пост-два, вызывает Корень. Прием...

– Пост-два слушает, – отозвалась рация. Теперь пришло время докладывать другому наблюдателю.

– Что с колонной?

– Колонна ушла. Повторяю: ушла.

– Вертушка?

– Сопровождает колонну. В настоящей момент вертушки не наблюдаю.

Еще полчаса спустя Корень повел группу вдоль дороги на север. Туда, откуда пришла колонна. Посты один и два двигались в головном и тыловом охранении. Гарика и одного арбалетчика Корень послал во фланговые дозоры. Он очень осторожничал, этот Корень. Но только так, наверное, здесь и надо.

– Куда идем? – поинтересовался Борис у старшего егерской группы.

– Ближе к хэдхантерской переправе. Если здесь нам ничего не обломилось, может, там повезет больше.

– В чем повезет?

– Есть там один Хуторок. Хорошее место для засады.

– Опять будешь охотиться на хэдовскую колонну?

– Будем, – резко повернулся к нему Корень. – Не забывай, Берест, ты и Натаха теперь члены моей группы, а я – ваш старшой. Вы будете делать то, что я скажу. И на кого укажу, на того станете охотиться. Вместе со всеми. А накосячите – пушу в расход. Ясно?

Борис кивнул. Да, не стоило об этом забывать. Чревато это. А то он что-то расслабился.

Корень помолчал пару секунд, потом добавил:

– В Хутор, куда мы идем, иногда заезжают патрули с того берега. Так что, может, еще и наберем хэдхантерских голов.

– Так это у вас, типа, рейд за головами? – вмешалась Наташка.

– Ага. Можно сказать и так.

– А поподробнее объяснить можно? – не отставала чернявая. – Обещал ведь.

Корень кивнул:

– Сейчас можно. Короче так, салаги, провожу ликбез. Вса-сывайте и запоминайте...

Борис запоминал. Наташка тоже слушала внимательно. А как иначе? Чтобы выживать в новом мире, нужно знать, что в нем изменилось. Ради этих знаний, Борис согласен был терпеть снисходительный тон Корня.

Это был очень познавательный марш-бросок.

Глава 12

Как явствовало из рассказа Корня, тенденция к объединению дикарей наметилась задолго до нападения федеральных хэдов на Ставродар. По крайней мере, вожаки некоторых кланов вели такие переговоры уже давно, не особенно, правда, их афишируя. То, что произошло с городом, лишь ускорило неизбежное.

Рассеянные, запуганные, зачастую враждующие между собой кланы диких начали сливаться друг с другом и вырабатывать единую стратегию борьбы против хэдов.

Прежняя политика «каждый сам за себя» худо-бедно оправдывалась, когда за тресами охотились небольшие и разрозненные отряды пятнистых. Тогда, разбегаясь врассыпную, еще был шанс спастись. Когда же за решение проблемы иссякающего трес-трафика взялась единая государственная (а если быть точнее – столичная) хэдхантерской корпорация, ситуация изменилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.